

Б И Б Л И О Т Е К А

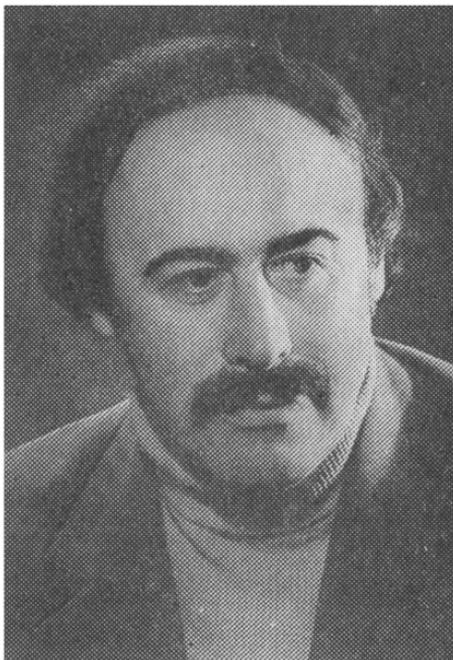
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 11

1984

Владимир ЛАЗАРЕВ

**У Р О К И
ВАСИЛИЯ ЖУКОВСКОГО**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Владимир ЛАЗАРЕВ

**УРОКИ
ВАСИЛИЯ ЖУКОВСКОГО**

ОЧЕРКИ О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ПОЭТЕ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1984

Владимир ЛАЗАРЕВ

Владимир Яковлевич Лазарев родился 26 января 1936 года в г. Харькове в семье военнослужащего. Годы отрочества и юности связаны с Тулой и Ясной Поляной, сыгравшей определяющую роль в его творческом развитии.

В. Я. Лазарев окончил Тульский политехнический институт и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал на строительстве доменных печей, в шахте, семь лет — инженером на Тульском оружейном заводе. Нравственным исканиям молодого человека 60-х годов посвящена книга его повестей «Утро начинается с улыбки» и пьеса «Первый снег», поставленная на сцене Тульского драматического театра имени М. Горького.

Первая книга стихов В. Лазарева, «Перед встречей», вышла в 1956 году. В последующие годы — книги лирики «Семь цветов надежды», «Не спят березы», «Брат милосердия» и др. Стихи поэта, положенные на музыку, получили широкую известность. Многие из них представлены в сборнике «Не остуди свое сердце...» (1983 г.). В. Лазарев — составитель поэтических антологий «Невыдуманная поэма», «Колокола веков» (русская историческая поэзия), «Поэзия российских деревень»... Его перу принадлежат эпические поэмы «Задонщина» («Открытая даль») по мотивам древнерусской повести, «Одиссея испанского мальчика», книги прозы «Тульские истории», «Хождение не за три моря», «Сокровенная жизнь» и др., статьи и исследования, посвященные творчеству А. Т. Болотова, И. Т. Посошкова, В. А. Лёвшина, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, И. А. Бунина, А. А. Блока, В. Ф. Булгакова, А. Ф. Лосева, И. С. Соколова-Микитова, проблемам современной литературы. Значителен вклад В. Я. Лазарева в увековечение памяти А. Т. Болотова и В. А. Жуковского. Он инициатор жуковских чтений на родине великого поэта, принимает активное участие в создании мемориала Жуковского в г. Белёве и селе Мишенском.

УРОКИ ВАСИЛИЯ ЖУКОВСКОГО

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль...*

А. С. Пушкин

Первым вдохновителем моим был Жуковский.

А. Блок «Автобиография»

Всякий раз, когда приближаешься к Белёву и от шоссе, издали, в широко разметнувшемся пространстве, в голубоватой, как бы клубящейся дымке видишь панораму старинного города, на высоком берегу Оки, сердце мгновенно замирает в радостном ожидании: снова предстоит встреча с родиной Жуковского. Снова душа соприкоснется с пейзажами, в глубине которых когда-то возник первоначальный дух его поэзии. И навсегда поселился здесь, как бы растворившись в этом прозрачном, на редкость чистом воздухе, среди этих холмов и рощ, в плавных поворотах Оки... Светом Оки неуловимо или почти неуловимо освещены многие строки ранних стихов Василия Жуковского. Порыв мысли, порыв чувства небегающе, ощутимо — чувствуется — живут в этих местах. А какая свежесть и звучная наполненность воздуха! Особенно это чувствуешь, приехав сюда сейчас из большого города, где даже в солнечный день к вечеру медленно вращается и давит не то марево, не то гигантское, сизое, скопившееся облако дыма и бензинового перегара. А тут, в белёвских краях, на Оке, вдыхаешь чистейший полевой и речной воздух, радуешься его полноте и непривычной глубокой свежести. Все эти вздохи листвы и сквожения начинают вскорости покачивать тебя, и овладевает тобой необыкновенное чувство полета, объединения с этим воздушным пространством, в котором, тоже как бы покачиваясь, плывет живописная панорама города с полуразрушенным, полудотрым в реставрационные леса Спасопреображенским монастырем. Старинный камень просвечивает сквозь свежеструганые доски...

Прежде всего воспринимаешь «пленительную сладость» здешних мест, которую не мог не заметить и А. С. Пушкин, проезжая когда-то Белёв по дороге на Кавказ (см. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»). Отыскиваешь памятные места, связанные с жизнью Жуковского. Вот место, где был двухэтажный дом поэта, построенный им для своей матери. Дом не сохранился. Но осталась та площадка, где в зарослях Василий Андреевич любил подолгу стоять, глядя на Оку, на приокские дали. По правую руку, в глубине оврага, журчала скрытая ивняком малая речка Белёвка, стремящаяся к Оке. Чуть дальше на холме над купами деревьев — белеющие стены монастыря, светящиеся купола, ширь, небо. Сколько благословенных часов провел он здесь, особенно предвечерних, один, как бы сливаясь с многозвучием всего сущего, всего мыслимого и немислимого, почти неуловимого, невнятного... Он улавливает, переживая, сами текущие мгновения, когда поля уже в длинной прохладной тени, а отдаленные рощи и колеблющийся в зеркале воды город озарены еще багряным блеском. Наконец, «облаков померкнули края; последний луч зари на башнях умирает; последняя в реке блестящая струя с потухшим небом угасает».

Каким откровением и почти непередаваемой щемящей интонацией вечерней песни прозвучала когда-то впервые, звучит и сейчас эта строка:

Последний луч зари на башнях умирает...

А вечер из золотисто-багряного постепенно становится розовым, светло-голубым, синеющим... Наконец, зеленое и синее, густая, темнея, сливаются воедино, объединенные светлым летним мраком. С прохладой сливается многообразный запах трав, цветов, деревьев, воды. Симфония цвета сменяется симфонией запахов. Слышен где-то внизу тихий плеск Оки и порой веянье не то чтобы ветра, но легкого качнувшегося воздуха по воде...

...И гибкой ивы трепетанье!

Опять изумительная по своей точности строка. И не в сладкозвучии дело, но в поразительной верности найденного слова. Так в «белёвском уединении» выковывал Жуковский живую гибкость родного языка, улавливал строки, в которых каждое слово — совершенство. Элегия «Вечер» написана в мае — июле 1806 года. Волшебство такого стиха Жуковского, его трепет, и сладкозвучие, и точность, и гибкость немало повлияло на Пушкина и на весь русский поэтический язык. Открытия Жуковского в словесном выражении прекрасного заключают в себе непреходящую ценность.

Василий Андреевич безгранично любил свои родные места, всегда их помнил, всегда стремился вернуться в Белёв и Мишенское, где

некогда он испытал сильнейшее чувство любви к своей племяннице Маше Протасовой, где в 1802 году написал стихотворение «Сельское кладбище», явившееся вольным переводом элегии английского поэта Томаса Грея. Произведение Жуковского было напечатано в конце того же 1802 года в журнале Карамзина «Вестник Европы» (ч. 6, № 24) и неожиданно для автора в короткий срок стало знаменитым. Но сколько блеснувших на некий короткий срок произведений быстро тускнеют, исчезают из памяти, всегда забываются. «Сельское кладбище» Жуковского суждено было стать программным стихотворением сентиментализма в отечественной поэзии и еще больше — положить начало «истинно-человеческой поэзии в России», лучшие образцы которой в дальнейшем обретут мировое значение. А в наше сознание навсегда вошло такое понятие, как лиризм Жуковского. Недаром уже в конце XIX века Владимир Соловьев назовет родные места Василия Андреевича «родиной русской поэзии»:

Там на закате дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свет,
И принял лес ее опавшею листвою...

Усадьба в Мишенском не сохранилась. На месте флигеля, где родился поэт, стоит обелиск. Исчезли часовенка над родником Гремячим, беседка на «Греевом холме», которую называли «Греева элегия». Не сохранился и дом Жуковского в Белёве, сгорел во время Великой Отечественной войны. А вот скромный деревянный дом Екатерины Афанасьевны Протасовой чудом сохранился до сих пор, затаился на одной из белёвских улиц. Это сюда погожим летним днем и под вечер не раз приходил из Мишенского Василий Андреевич Жуковский, совсем еще молодой человек, высокий, худощавый, с тихими внимательными глазами. Добровольный наставник девочек Протасовых — Александры и Маши. Шел он из Мишенского пешком — долиной быстротекучей речки Выры, через Фатьяновские луга, полевыми тропами добирался до Белёва: так быстрее. Как здесь хорошо, как вольно сердцу. Если бы не обстоятельства, он бы навсегда остался в этих краях и провел здесь большую часть жизни.

... Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

Но жизнь его была полна драматических коллизий, глубоких переживаний, неустроенности, прерванных чувств, разочарований... Недаром кое-кто из наиболее внимательных его собеседников умел разглядеть в его тихих глазах не только смирение, но и луч острой наблюдательности, как бы вопрошающего выражения и даже скрытой в глубине недоверчивости. Многое пришлось испытать за долгую жизнь этой, по выражению А. С. Пушкина, «небесной душе».

Рок преследовал его с самого рождения. Василий Андреевич Жуковский родился 9 февраля (29 января по старому стилю) 1783 года. Он был незаконнорожденным сыном помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи, получившей в крещении имя Елизаветы Дементьевны. Мальчика усыновил родственник Буниных, бедный дворянин Андрей Григорьевич Жуковский. Это уже само по себе предопределило многое в жизни будущего поэта. В сознании однажды проснулось острое ощущение двойственности его положения: воспитываясь в семье Буниных, спервоначалу он считал Марию Григорьевну, законную жену своего истинного отца, — своей матерью. А Елизавету Дементьевну, Сальху, воспринимал лишь как экономку в доме Буниных. Особенности характера Марии Григорьевны, ее мягкость, добросердечность сказались и на дальнейшей судьбе и на самом характере незаконнорожденного, принятого в семью Буниных и воспитанного в ней. Немалую роль, конечно, сыграла и натура отзывчивого мечтательного мальчика. «Небесная душа» его была притягательна, общение с ним рождало радость — люди тянулись к нему на протяжении всей его жизни, начиная с ранней зари ее.

Афанасий Бунин умер, когда Василию было всего восемь лет. Положение семьи изменилось. Однако Мария Григорьевна по-прежнему, если не с большей теплотой относилась к мальчику. С нежной заботливостью относились к нему и его единокровные сестры, дочери Афанасия Бунина.

Трудно до конца представить себе внутренний мир подростка, узнавшего истинную историю своего происхождения. Но так или иначе переживания эти глубоко вошли в его сердце.

Его везут в Тулу, и там он живет в доме своей крестной матери, взрослой дочери Буниных — Варвары Афанасьевны, в замужестве Юшковой. Учится в частном пансионе Х. Ф. Роде, а затем — в Главном народном училище. Однако и домашнее воспитание у Юшковых сыграло большую роль в формировании гуманитарных способностей Жуковского. Здесь нередко устраивались литературные вечера, разыгрывались на домашней сцене спектакли. В этой-то обстановке в доме Юшковых и проявилась с первоначальной определенностью замечательная литературная и художественная одаренность Василия Андреевича, возникла тяга к длительным усилиям творчества, а не

только интерес к интеллектуальной игре. Живой, впечатлительный мальчик принимает горячее участие во всех интересных начинаниях, много рисует, сочиняет для домашнего театра трагедию «Камилл, или Освобожденный Рим», а также драму «Павел и Виргиния». У Юшковых же несколько раз он видит и слышит замечательного экономического просветителя и писателя Андрея Тимофеевича Болотова, который произвел на Жуковского столь большое впечатление, что он, размышляя о прошлом, вспоминал Болотова и на закате своей жизни, в 1851 году (факт этот, на наш взгляд, немаловажный, хотя и ускользнул от биографов поэта). Подруги детских игр поэта — дочери Юшковой — Авдотья и Анна тоже увлекались литературой, искусством, страстно любили театр. В будущем Анна станет известной детской писательницей Анной Петровной Зонтаг, всю жизнь будет переписываться с поэтом и оставит интереснейшие мемуары о нем. «Милая Дуняша», как обращался к ней в письмах Жуковский, Авдотья Петровна Киреевская (во втором замужестве Елагина) станет матерью Ивана и Петра Киреевских. Василий Андреевич не раз будет гостить в имении Киреевских — Долбине (стихи, написанные в Долбине, составят особый раздел в собрании сочинений поэта) и окажет большое влияние на формирование художественных интересов своих внучатых племянников.

В 1797 году Мария Григорьевна Бунина везет Жуковского в Москву и при содействии Ивана Петровича Тургенева (хорошо знавшего покойного Бунина) устраивает «Васеньку» в Университетский Благородный пансион. Начинается новый важный период в формировании личности Жуковского. Здесь решающую роль сыграли два фактора: семья Тургеневых, с которой юный поэт весьма сблизился, и характер учебного заведения, в котором он учился. Университетский Благородный пансион сильно отличался, скажем, от будущего Царскосельского Лицея, в котором воспитывался Пушкин. В Лицее царил дух вольности и просвещения, в Университетском пансионе дух благочестия и смиренности наряду с тем же просвещением. Особые традиции освещали и жизнь семьи Тургеневых. Глава ее, Иван Петрович, достаточно известный литератор, друг Н. И. Новикова, принадлежал к масонам и после «новиковского» дела был в свое время сослан Екатериной II. Ко времени приезда Жуковского в Москву И. П. Тургенев — директор Московского университета. По инициативе Ивана Петровича и был создан университетский пансион. Старшие сыновья Тургенева Александр и рано умерший Андрей становятся друзьями Василия (младшие Тургеневы — Николай и Сергей — тоже на всю жизнь сохраняют с Жуковским дружественные связи). Дом Тургеневых в Москве, подобно дому Юшковых в Туле, был настоящим очагом культуры, разумеется, имея гораздо большее значение в литературно-общественном смысле. На этой благодатной почве возникает «Дружеское литературное общество», в которое входят,

кроме Тургеневых и Жуковского, А. Ф. Воейков, А. Ф. Мерзляков и другие. В доме Тургеневых к тому же бывают Н. М. Карамзин и известный поэт И. И. Дмитриев. Именно через них волна сентиментализма докатилась и до Жуковского, который самым строем своей чувствительной натуры был близок этому направлению. Жуковский читает произведения французских и немецких просветителей. Поэзия Гете и Шиллера входит в его сознание.

Молодой Жуковский всюду ищет сочувствие и дружественный отклик, живую ячейку товарищества. Начиная с московского «Дружеского литературного общества», впоследствии затеяв в Петербурге знаменитый «Арзамас», он пронесет «культ Дружбы» через всю свою жизнь. Этот непреходящий «культ Дружбы» сочетался в его натуре с постоянным стремлением к творческому уединению. Всегда Жуковский страстно желал оставить всякого рода служебные обязанности, освободиться от всего и отдаться музыке творчества, поэзии. Судя по всему, ему по душе был тихий сельский образ жизни, постоянное общение с природой.

После окончания Университетского пансиона он прослужил весьма недолго в Соляной конторе и, оставя службу, вернулся в свои родные места — Белёв и Мишенское. С радостью он — «Белёва мирный житель», как назвал его К. Н. Батюшков, — предаётся ровному течению уездной жизни. Много читает, переводит. Бродит белёвскими проселками. Весной Белёв утопает в белом цвете садов. И эти сады под стать узорчатому белёвскому кружеву, тонкому и нежному; и белёвской яблочной пастиле, необыкновенного вкуса; и расписным филимоновским игрушкам — свистулькам, что продаются на здешних ярмарках; и долгим чаепитиям; и вечерним чтением вслух...

Жуковский мечтал прочно обосноваться в Белёве. В 1805 году он построил собственный двухэтажный дом на взгорье с прекрасным видом из окон второго этажа на Оку и приокские дали. В Москве он бывает наездами. Лишь в 1807 году он переезжает туда, приняв предложение редактировать «Вестник Европы». Редактируя журнал, он выступает в эти годы не только как поэт, но и как интересный, глубоко и определенно мыслящий критик и публицист. (До сих пор эта сторона творческой деятельности Жуковского еще недостаточно оценена.) Точным взглядом и здравомыслием отмечены его статьи «О критике» и «Писатель и общество». Глубоко проникновенно его литературно-критическое исследование, посвященное творчеству великого баснописца И. А. Крылова. Просветительские мотивы отчетливо слышатся и в программном «Письме из уезда к издателю» и в страстном, с большой силой написанном «Печальном происшествии» — статье, проникнутой антикрепостническим пафосом...

В журнале, на титуле которого значилось: «Вестник Европы», издаваемый Василием Жуковским», — были собраны лучшие литературные силы России. Поскучневший, потускневший — после ухода Н. М. Карамзина — в руках М. Т. Каченовского, катастрофически терявший подписчиков «Вестник Европы» с приходом Жуковского возродился. Постоянно консультируясь с Карамзиным, Василий Андреевич проявил себя весьма деятельным редактором. Будучи полон свежих идей и планов, он весьма последовательно проводил их в жизнь. Этот-то свежий дух журнала, приносящий беспокойство университетским властям (журнал печатался в университетской типографии), привел к возвращению Каченовского в качестве соредактора, а в конце концов и к уходу из «Вестника Европы» Жуковского.

В период редакторской деятельности и в годы, близкие к этому периоду, Василий Андреевич переживает большой творческий подъем, связанный и с его общественно-литературными заботами, и с чувством разделенной любви к Маше Протасовой, и с надеждами на будущее. Он пишет стихи и прозу, многочисленные литературные заметки. Очень много переводит. Под влиянием Карамзина увлекается русской стариной. В это время он печатает в «Вестнике Европы» балладу «Людмила» (вольный перевод «Леноры» Готфрида Бюргера), снискавшую огромный успех у читающей публики. Но тут же — как это похоже на Жуковского! — затевает новую переработку «Леноры», а вернее создает после «Леноры» и «Людмилы» некое более проясненно-русское произведение — знаменитую «Светлану», полную очарования национальных обрядов, дышащую неподдельной русской песенностью, снежностью, свежестью поэтического слога («Светлана» была закончена только в 1812 году):

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Изумительный этот строй и склад, поразивший некогда современников своей «небывалостью», будет привлекать и волновать русский поэтический слух во все времена. В отечественной поэзии возникла особенная — «жуковская» — интонация, которая мгновенно узнаваема (в «Светлане», как и в элегии «Вечер» и во многом другом), негромкий, но далеко слышимый глубокий голос. Некий камертон, на который настраиваются многие струны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.

Этот образ как бы смутно виден нам сквозь более поздний образ пушкинской Татьяны. Здесь как-то ощутимо чувствуешь, осознаешь: дело не только в том, что Жуковский — учитель Пушкина, но что «Жуковский,— по верному замечанию В. Г. Белинского,— выразил собою столько же необходимый, сколько и великий момент в развитии духа целого народа».

Это особенно и важно. Вот в каком контексте становится ясно: не будь Жуковского, и, собственно, творчество Пушкина явилось бы нам более бедным. Перед нами предстает необходимая последовательность титанической духовной работы. И если крона поэзии Жуковского дышала европейской и мировой культурой, то корневая система уходила в родную почву, глубоко разветвлялась в ней. В этот же московский период он создает образцовое поэтическое переложение «Слово о полку Игореве», рукопись которого впоследствии была найдена в бумагах А. С. Пушкина и авторство вплоть до 1935 года приписывалось последнему. Удивляешься неиссякаемости творческой энергии поэта, масштабу его деятельности в Москве — вовсе не тихий, меланхолически настроенный лирик, как привыкли его представлять сейчас, но энергичный редактор, работающий в поте лица своего, если уж на кого-то и похож он в это время, то более всего на великого просветителя Николая Ивановича Новикова. Да и многие высказывания его в «Вестнике Европы» были в новиковском духе. Скажем, такое: «Мы имеем Академии Наук и Художеств, почему же не можем иметь Академии для просвещения простолюдинов?» Поэт, прозаик, публицист, редактор, он к тому же затевает весьма трудоемкое дело: по образцу «Маленькой энциклопедии поэзии», вышедшей в Париже в 1804 году, создает отечественный многотомник, проделав при этом колоссальную работу по отбору стихов. Вышедшее в Москве в 1810—1811 годах с предисловием составителя «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским», явилось авторитетнейшим изданием в то время, да и сейчас со-

хранило большую ценность. И если Н. И. Новикову принадлежит «Опыт исторического словаря», то Жуковскому — честь создания первой русской антологии поэзии. К моменту ее выхода Василию Андреевичу было всего двадцать семь лет. А ведь создание антологии требует кропотливой длительной работы, высокой культуры, верности вкуса, духовной зрелости. Московский период составил целую эпоху в жизни Жуковского (от подражательных стихов до «Сельского кладбища» и «Людмилы», от «Трех поясов» и «Марьиной рощи», прозы, написанной под сильным влиянием Карамзина, до замечательной публицистики и критики в «Вестнике Европы» и т. д.). Без особого шума, но решительно Василий Андреевич в период редактирования «Вестника Европы» влияет на изменение литературных вкусов времени: русская литература выходит на новые рубежи, она как бы уже начинает смутно предчувствовать А. С. Пушкина...

Оставя журнал и Москву, Жуковский уехал в Мишенское. Ему все мерещилось счастье в родных местах. Тяга к ним жила в нем постоянно, усиливаясь тем, что там жила девушка, которую он любил. И холмы и рощи там окутывало «минувших дней очарованье». Но Е. А. Протасова решает переехать в принадлежавшее ей село Муратово Орловской губернии, и Жуковский следует за ней. Помогает устроить господский дом, по соседству в деревеньке Холх обзаводится участком земли и строит собственный дом, надеясь на брак с Машей Протасовой... Но ему резко отказано. Чувство одиночества охватывает его: несчастья одно за другим настигают Василия Андреевича — почти одновременно, одна за другой, умирают Мария Григорьевна Бунина и его мать Елизавета Дементьевна... Потом судьба разлучает его с Машей. Потрясенный, он не знает, что и делать. А в то время в России разгорается война 1812 года. Жуковский вступает в Московское ополчение и в составе его Первого пехотного полка прибывает к Бородинскому полю... Он ощущает огромную, необразимую тишину всеобщего молчания, какого-то затаения перед битвой, видит бесчисленные мерцающие костры, глубокое темное звездное небо над обеими армиями в преддверии битвы... Во всем этом, пишет Жуковский, «было что-то роковое и несказанное. И с первым просветом дня грянула русская пушка...» В конце сентября — начале октября 1812 года Жуковский пишет «Певца во стане русских воинов»:

...Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,

Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

«Певец» принес Жуковскому громкую славу, всеобщее признание. Его неоднократно переиздавали (всякий раз с небольшими злободневными изменениями, в связи «с ходом военных действий»), читали, заучивали наизусть. «Певец» тогда стал главным поэтическим произведением о войне 1812 года, рожденным в ходе войны, выразившим настроение общности многих русских судеб. Было очевидно, что появилось произведение, которое прочно войдет в отечественную классику; и одновременно оно было своим, горячим, искренним, принадлежало ополченцу, было как бы выхвачено из пылающих событий войны. Имя Жуковского, до этого времени прочно связанное с собственно поэтическими и журналистскими достижениями, на волне патриотического подъема приобрело большую известность, далеко перешагнувшую границы чисто литературные. Общество увидело в нем своего выразителя, своего Поэта. Придворный композитор Дмитрий Бортнянский положил крылатые строки на музыку. Хор имел успех. «Певец» получал все большую популярность...

Тяжело заболев в действующей армии, пролежав некоторое время в госпитале и получив бессрочный отпуск, знаменитый поэт штабс-капитан Василий Жуковский, награжденный за участие в Отечественной войне орденом Святой Анны 2-й степени, опять бросается в Муратово к Протасовым, надеясь все-таки после всех потрясений и несчастий добиться Машинной руки. Но Екатерина Афанасьевна по-прежнему непреклонна. Взаимные чувства Маши и Василия Андреевича все более окрашиваются в эгегические тона. Убеждения не дают им возможность обвенчаться тайком. Судьба их предрешена. В это же время Саша Протасова выходит замуж за приятеля Жуковского А. Ф. Воейкова. И вскорости Воейковы и Протасовы переезжают в Дерпт. Не в силах расстаться с Машей, Жуковский следует за ними. Два года проходят в непрерывных поездках Василия Андреевича из Дерпта в Петербург и обратно. Иногда он проводил в Дерпте по многу месяцев (скажем, в 1816 году с начала апреля до середины декабря). Дерптский период сыграл определенную роль в духовном развитии Жуковского. И этому, возможно, следует посвятить особое исследование. У него появляется много новых друзей, в том числе и художник Е. Рейтерн, будущий тесть. Он сближается с профессорами фон Боком, Фурманом, слушает лекции, в частности по истории и философии Средневековья. В 1816 году Жуковского избирают почетным доктором Дерптского университета. Дерптский период для Жуковского в основном закончился тогда, когда Маша под влия-

нием родных вышла замуж за тамошнего профессора медицины И. Ф. Мойера. Но и после этой «горькой» для него свадьбы он живет несколько месяцев в Дерпте. Долгие годы не может найти успокоения. В 1820 году он пишет Авдотье Петровне Елагиной (Киреевской): «Я от всех оторванный кусок и живу так, что душа холодеет. Бедная моя поэзия! Был в Дерпте, как во сне. Там тихо, но у всех у нас одна болезнь — разлука! Чем от нее вылечить?..» (Для более полного воссоздания истории этой несчастной любви было бы нелишним опубликовать «Дневник» Маши Протасовой, который в свое время находился в парижской «коллекции» небезызвестного А. Ф. Онегина, а ныне хранится в Пушкинском доме.)

На фоне этой болезненной разлуки с любимым человеком развивается петербургская литературно-общественная деятельность Жуковского. При его активном участии возникает полемическое по своей сути литературное общество «Арзамас», призванное защитить карамзинско-жуковское направление в отечественной словесности. Первое учредительное заседание «Арзамаса» состоялось 14 октября 1815 года. Членами «Арзамаса» будут К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, юный А. С. Пушкин, с которым Жуковский познакомился в Царском Селе осенью того же 1815 года. «Милое, живое творенье!» — таково первое впечатление Василия Андреевича от Пушкина-лицеиста.

Беседы и споры в «Арзамасе» были окружены шутливыми пародийными ритуалами и несли в себе явные признаки так называемой смеховой культуры. Все участники «арзамасского братства» получали прозвища по персонажам произведений Жуковского. К примеру, его собственное «арзамасское имя» было Светлана. Юный Пушкин именовался Сверчком. Однако при всем при том «Арзамас», просуществовавший до 1818 года, сыграл серьезнейшую роль в объединении замечательных талантов и сильно повлиял на весь литературный процесс того времени.

Петербургская жизнь Жуковского начинает обретать новые черты. Литературный авторитет его в зените. Он не только принят при дворе, но и становится особой, приближенной к царской фамилии, а в конечном итоге воспитателем наследника, будущего Александра II. Перед глазами Жуковского пройдет несколько литературных эпох. Он переживет не только Пушкина, но и Лермонтова, уступив им главенствующие места в сознании читающей публики. Как бы отойдя в тень, окажет сильное духовное влияние на Гоголя. Путешествуя и живя за границей, сведет знакомства с многими выдающимися деятелями европейской культуры и в том числе с Гёте, который тонко почувствует натуру Жуковского и не раз будет потом поминать его добрым словом в беседах с посещавшими его русскими. Тридцати семи лет Василий Андреевич дарит Александру Пушкину свой литографированный портрет с надписью «Победителю-ученику от по-

бежденного-учителя. В тот высокаторжественный день, в который он закончил свою поэму «Руслан и Людмила». 1820. Марта 26. Великая пятница». Он же будет присутствовать при последнем дыхании смертельно раненного тридцатисемилетнего Пушкина. И напишет об этих днях, часах и минутах письмо отцу Александра Сергеевича, письмо, которое без волнения по сей день читать невозможно.

В 1818 году он был избран в Российскую Академию наук, а несколькими месяцами раньше стал почетным членом Вольного общества любителей российской словесности. Он был свидетелем не только декабрьского восстания, но и всей многообразной эпохи декабризма, всячески старался облегчить участь декабристов, хотя и не разделял их радикальных взглядов. Сопровождая наследника российского престола в его путешествиях по стране и за рубежом, Василий Андреевич воспитывал в своем ученике «чувства добрые», старался привить вкус к гуманитарным наукам и гуманным чувствам. Трудно переоценить в этом смысле Жуковского-воспитателя.

Одновременно с этим Василия Андреевича на протяжении всей его жизни, начиная с детства — в отрочестве, в юности, в зрелости — постоянно преследуют несчастья, безвременные потери близких, дорогих сердцу людей. Следишь за его жизнью, и становишься невыразимо жаль Жуковского из-за какого-то постоянного сиротства и одиночества, охватывавшего его душу. Какой надо было обладать внутренней силой природы, чтобы вынести все это, выстоять. Поистине он был поэтом божьей милостью. В 1823 году в Дерпте умерла во время родов М. А. Мойер (Маша Протасова), через несколько лет в Ливорно от чихотки умирает ее сестра А. А. Воейкова, тоже весьма близкий Жуковскому человек. (Вспомним раннюю смерть Андрея Тургенева, друга его юношеских лет. А каково было закрыть глаза Пушкину, которого он помнил царскосельским лицеистом, арзамасским Сверчком, который был самой светлой надеждой его сердца.) Василий Андреевич находит утешение, лишь глубоко уходя в творчество и милосердную деятельность. Легко понять и усиление мистических настроений в его натуре. Душа его начинает тяготиться многочисленными обязанностями (надо сказать, что он всю жизнь бежит неукослнительной службы). Он желает полностью отдаться творчеству, в том его высшем, если можно так сказать, молитвенном проявлении души. Казалось, жизненный круг его замкнется на полном одиночестве. Но неожиданно, уже в преклонном возрасте, он согрет чувством неподдельной любви к нему юной девушкой, дочери его друга — художника Рейтерна. В 1841 году он женится на Елизавете Рейтерн и двенадцать последних лет жизни проводит в Германии. Жена родила ему двух детей: дочь Александру и сына Павла. В эти годы Василий Андреевича глубоко интересует античность. И из его переводов главным становится «Одиссея» Гомера. «Этот перевод почитаю своим лучшим, главным поэтическим произведением», — пишет он в 1847 го-

ду. Погружение в античность сочетается у него в последние годы жизни с чувством исповедальной обнаженности и бескомпромиссного отношения к собственной жизни. Нет, он не успокоен, мятущаяся душа его жаждет абсолютной истины. Вот почему так сближаются они в эти годы с Гоголем, вот почему так влияют на Николая Васильевича беседы и переписка с Жуковским. А Гоголь именно в это время — его последний сокровенный воспитанник, как некогда был юный Пушкин.

Откуда эти душевные мучения Жуковского в конце его жизни, так расходящиеся с обычными представлениями о нем? Он даже осуждает свое прежнее творчество, отрицает его, подобно страдающему Гоголю, подобно позднему Льву Толстому... Все это коренится в глубокой психологии, в самом существе нашей жизни, нашего исторического типа. Жуковский — не благодетельный, не успокоенный на закате жизни. Непривычный Жуковский... Все та же русская совесть, все тот же русский гений, все та же болезнь души, пусть даже «небесной».

В конце жизни он мечтал вернуться на родину. А. И. Кошелев в своих «Записках», вышедших в Берлине в 1884 году, рассказывает о встречах с поэтом в Баден-Бадене в 1851 году. Жуковский, пишет Кошелев, хотел вернуться на родину и поселиться вместе с семьей в Москве. Он пристрастно расширял о московской литературной жизни, об умонастроении молодежи. С Москвой были связаны многие лучшие воспоминания юности, первых литературных успехов. В Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря, была могила его матери, где на памятном камне высеченные инициалы «Е. Д.» издали светили ему¹... На родину он так и не смог вернуться. В конце жизни почти совсем ослеп. Сосредоточенно вглядывался в глубины собственной души. Иногда ему казалось, что там нет истинно «теплой веры». И он мучительно искал ее — эту искру глубокого неподдельного тепла...

Умер Василий Андреевич в Баден-Бадене весной 1852 года. Прах его через некоторое время был перевезен в Петербург и захоронен в Александро-Невской лавре.

К биографии Жуковского обращались многие. Назовем старые книги, например, такую, как «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского» К. К. Зейдлица, вышедшую в 1883 г., книгу академика А. Н. Веселовского «Поэзия чувства и «сердечного воображения» (1904 г.), «Воспоминания А. П. Зонтаг» (1883 г.)... Несколько удачных книг вышло в последнее время: «Жуковский в Петербурге» Р. Иезуитовой, «Родного неба милый свет» В. Афанасьева, «Минувших дней

¹ Первый биограф Жуковского К. К. Зейдлиц приводит в своей книге письмо поэта, в котором тот выражает желание поселиться в Дерпте. Очевидно, Жуковский колебался в своем выборе. Но так или иначе он хотел вернуться в Россию.

очарованье» В. Власова и И. Назаренко, «Жизнь и поэзия Жуковского» И. Семенко. Пришла, наконец, пора написать научную биографию Жуковского. А также глубоко осмысленную историю его духовного развития.

Константин Батюшков в одном из писем замечает по поводу Василия Андреевича: «У него сердце на ладони». Жуковский принес в русскую поэзию исповедальную интонацию истинного лирика. В какие тона она окрашена, только ли в меланхолические? Нет, она при всей своей узнаваемости разнообразна. Но это разнообразие мягких приглушенных красок, тонких переходов, иной раз едва различимых полутонов чувства, требующих от читателей зоркости, чуткого внимания. Неяркое многообразие сочеталось в зрелости с высоким опытом души. Но и с самых ранних зорь душа поэта высокого настроения улавливала неразличимую для многих небесную музыку, тяготела к символу, требующему глубокой духовной сосредоточенности (а от читателя не просто сочувствия, но зоркого сочувствия, связанного с образованностью, с культурой). Потом это привело к разнообразию символики, обретающему некие симфонические черты. Эта направленность творчества Жуковского не захватила, скажем, его гениального ученика, оставила равнодушным новых читателей — младших современников поэта (но воистину «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»!) Отозвались символисты, в первую очередь Вл. Соловьев, Александр Блок. (Вспомним его автобиографическое: «Первым вдохновителем моим был Жуковский»). Но намного раньше тайно вслушивался в Жуковского Тютчев (и его не заметили читатели, равнодушные к Жуковскому):

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так, ты жилица двух миров...

Там, где самоощущение Тютчева щемяще-тонко улавливает это «как бы», где его сердце, страстно прорываясь сквозь мрачную иронию умудренности и скепсиса, «бьется на пороге как бы двойного бытия», у Жуковского естественно, как-то небесно-ровно мерцает двоемирие («В нем не было ни лжи, не раздвоенья», — скажет о Жуковском Тютчев. Но вспомним, и Жуковский незадолго до смерти видел в глубине своей жизни некий «рационализм», искал «теплую веру»). Оно, двоемирие, в случае Жуковского, не некая поверхностно-художественная условность, перенятая, как у иных поэтов, вместе с определенным литературным направлением, но понятие, глубоко связанное с уникальностью его собственной жизни, его собственной

судьбы. Отблеск идеального мира красоты, ощущаемый поэтом, — своеобразный неоплатонизм Жуковского — сочетался в нем с непрерывным ощущением боли невыдуманной, на постоянно возникающей, присутствующей в течение всей его неровной жизни. Если посмотреть издали, в голубоватую, темнеющую глубину времени, можно явственно различить трагическую линию судьбы Жуковского, другую, чем у Пушкина, но тоже трагическую.

Жуковский, один из корифеев русского сентиментализма и основоположник романтизма в отечественной поэзии, утвердил в ней прежде всего жанр романтической баллады в сочетании с элегией и дружественным посланием. (Баллады его, в основном являющиеся вольными переделаниями иностранных авторов, были наиболее читаемы, да и сейчас читательское внимание именно к этой части творческого наследия Жуковского наиболее устойчиво.) Он был романтиком в самом высоком смысле этого слова. Духовные родники всю жизнь питали его творчество. И в нашем самопознании мы многим обязаны В. А. Жуковскому. Теплое течение, возникшее в героической и торжественной русской поэзии на заре XIX века, наверное, можно определить как лиризм Жуковского. Внучатый племянник Василия Андреевича, замечательный русский критик Иван Васильевич Киреевский писал: «Вся поэзия жизни, все сердце души, если можно так сказать, явилось нам в одном существе и облеклось в пленительный образ музы Жуковского». Он же видел в творчестве поэта «идеальность, чистоту и глубину чувств, веру в прекрасное, в неизменяемость дружбы, в вечность любви, в достоинство человека...»

Жуковский немало сделал для усиления пластичности русского стиха, поэтического слога. Тот же Киреевский писал, что в переливчатости слова «должно трепетать и отзываться каждое дыхание ума. Оно должно дышать свободой внутренней жизни». Именно эта свобода внутренней жизни, выраженная в поэтическом слове, — сокровенная пружина всего творчества Жуковского. Поэт очень много переводил, а вернее перелagal или писал по мотивам произведений, умея очень тонко вчувствоваться в суть оригинала. Это уникальное вчувствование Жуковского до сих пор никем не превзойдено в истории нашей словесности. Гомер, Гёте, Шиллер, Байрон, поэты следующего ряда: Грей, Саути, Бюргер, Парни, Кернер, Ленау и многие другие явились нам в переводах Жуковского, как бы заговорив на прекрасном русском языке. Причем выбирал произведения иноязычной литературы Василий Андреевич особым образом, а именно те, сюжет которых соотносился с переживаниями его собственной жизни. (Скажем, в драматической поэме «Камоэнс» несчастная любовь великого творца «Луизад» ассоциируется с чувством Жуковского к М. А. Протасовой.) Кроме того, вольное художественное воссоздание образов, вечных мотивов, великих этических идей, дающих ему собственный творче-

ский импульс, соответствовало историко-философским представлениям Жуковского.

Творчество поэта подвергалось несколько раз переоценке. Уже пушкинское поколение литераторов относилось критически к работе знаменитого балладника. Возник миф о якобы глобальной неоригинальности его творчества. Отголоски этого мифа слышны даже в фундаментальной книге академика А. Н. Веселовского. Ставила под сомнение пророчество Пушкина («Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль...»). Веселовский, учитывая смену «психологического настроения общества», считал, что в живой поэзии останется безусловно как завет Жуковского «правда настроения», открытая им. Но в стихах Василия Андреевича он усматривал лишь поверхностную музыкальность. С этим никак нельзя согласиться. Вызвав к жизни многие вокальные произведения, поэзия Жуковского сыграла выдающуюся роль в становлении русского классического романа, нисколько не уступая в этом, на наш взгляд, пушкинской поэзии. На стихи Жуковского писали романы Плещеев, Кашин, Вейраух, Булахов, Бортнянский, Верстовский, Глинка, Алябьев, Даргомыжский, Чайковский, Рахманинов, Рубинштейн... Но ведь ценность его поэзии, ее таинственная сущность не в простой музыкальности, а в вечной музыке, слышанной Жуковским (этого-то как раз и не расслышали многие, и в том числе академик Веселовский, отмечающие лишь тишайшее сладкозвучие и «певкость» его стиха). Павел Александрович Катенин, пристальный критик, рассмотрел в основе поэтического мышления Жуковского «отсутствие изобретения». Но разве умение изобретать есть главный признак оригинальности и величия поэзии? (Скажем, к слову, что «отсутствие изобретения» было характерно и, скажем, для Ивана Бунина, великого писателя, принадлежащего тому же родовому корню.) Как раз редкое по своему качеству свойство Жуковского слышать высокую музыку — улавливать неясное, едва различимое и прояснять в слове — по самой сути противоречит этому «присутствию изобретения». Пушкин никогда не сочувствовал нападкам на своего учителя: «Зачем кусать нам грудь кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имеет решительное влияние на дух нашей словесности: к тому же переводной слог его остается навсегда образцовым», — писал он К. Ф. Рылееву. Он же называл Василия Андреевича «гением перевода». Но великий ли поэт Жуковский? — задаемся мы вопросом. Не преувеличение ли это наше? Соотнесите его творения с непреходящими этическими ценностями, насладитесь его стилем, ощутите саму материю его стиха, удивительное богатство поэтической природы, и вы непредвзятым взглядом различите черты великие. Гоголь слышал музыку, которую слышал Жуковский, и поэтому в статье «В чем же, наконец, сущность русской поэзии и в чем ее особенность?» («Выбранные места из переписки

с друзьями») высказался определенно: «Жуковский — наша замечательнейшая оригинальность». Ближе всего к истине, на наш взгляд, был Гоголь. Грандиозен творческий и культурный диапазон Жуковского: «Шильонский узник», «Камюэнс», «Орлеанская дева» и «Рустем и Зораб», «Наль и Дамаянти» (из «Махабхараты») и «Одиссея», басни и «Война мышей и лягушек»... при этом ему свойственна «лирическая дерзость» (выражение Льва Толстого) в обновлении словесного ряда. «Душа полна прохладной тишиной». Это выражение Жуковского полно неожиданной свежести, проникновенности, подобно и лермонтовскому: «сходить с ума от тройственных созвучий и влажных рифм, как, например, на «ю».

Обаяние поэзии и самой личности Василия Андреевича, живой интонации его стиха в свое время было непреодолимо. Пушкин, например, взял строку Жуковского «гений чистой красоты» в свое стихотворение, посвященное А. П. Керн. А удивительный по своей емкости стихотворный отрывок «Невыразимое», написанный в августе 1819 года! Его поминают историки литературы реже, чем «Сельское кладбище» или «Певца во стане русских воинов», и напрасно: это один из контрапунктов лирической духовности Жуковского, с другой стороны — провозвестник тютчевской философской лирики. «Спирается в груди болезненное чувство. Хотим прекрасное в полете удержать. Ненареченному хотим название дать — И обессиленно безмолвствует искусство?» — это из «Невыразимого», которое, предугадывая Тютчева, одновременно является как бы краеугольным камнем позднейшей поэзии XIX века, включая символистов. «...Когда душа смятенная полна Пророчеством великого виденья И в беспредельное унесена...» Огромный и таинственный мир поэзии для юного Блока предстал первоначально Жуковским, дыханием его беспредельного мира, дыханием океана. Великий поэт XX века точно фиксирует: «С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны, еле связанные еще с чьим-либо именем». Это не литература, это дневник души, свидетельство. Ростки «Невыразимого» простираются и дальше, мысль, чувство, весь дух ищет, вслушивается: «Сие присутствие создателя в создание — Какой для них язык?..» (Заметим, смешно такую поэзию оценивать категориями типа «отсутствие изобретения» или «присутствие изобретения»). Вот уже и лирико-философские мотивы и веяние искусства нашего времени как бы намечены:

...И лишь молчание понятно говорит.

Кажется, «психологическое настроение» нашей поэзии подготовит новое обращение к Жуковскому как к живому, развивающемуся явлению. Будь моя воля, на храме всей новейшей поэзии, связанной с глубокими традициями русской философской лирики и оваянной

музыкой высокого духа, золотыми буквами вывел бы «Невыразимое» Жуковского, все сорок четыре его строки... Сосредоточься он на кратких стихах, на малых поэмах, которые с точки зрения совершенства формы весьма удавались Василию Андреевичу, пожалуй, он меньше подвергся бы критике, о которой писалось выше. Но его влекло не только вглубь, но и вдаль и вширь. Он проделал титаническую работу по вспашке и засеиванию русского поля зернами мировой культуры. Он был великий сеятель. Поэтому в крупных формах не все строки его мерцают живым совершенством, не всегда порядок слов вызывает восхищение, не все дышит натуральным биением жизни. Но даже и в этом случае в необработанной, как бы затуманенной матери нет-нет да и сверкнет изумительный по четкости живой образ словесного искусства.

Начавший до Н. И. Гнедича, он на протяжении всей жизни создавал «русский» гекзаметр, упорно добиваясь его гибкости, глубокого гула и разнообразия звучания. Жуковским раздвинуты были и пределы наших чувствований в поэзии и сильно расширены метрические возможности нашего стиха. Такое по плечу только великому поэту. Он обладал также независимым поэтическим характером. Он повлиял на молодого Пушкина, но сам не попал под его влияние в пору солнечной зрелости Александра Сергеевича, тогда как Пушкин взял в плен многих. Жуковский продолжал идти своим путем, духовно развиваться по-своему. Нужно ли простодушно истолковывать известную надпись Жуковского: «Победителю-ученику от побежденного-учителя...» Ведь было время, и Пушкина считали побежденным. И в порыве страстной (и справедливой) любви к Некрасову восклицали: «Выше Пушкина!» В мире прекрасного, в мире духовного нет победителей и побежденных. Пушкин, разумеется, поднял русскую поэзию, русское художественное сознание на новый высочайший уровень. Он гений-пророк. Но и Жуковский сделал и, что очень важно, продолжает делать свое великое дело: то, что не под силу никому другому. В этом главном смысле Жуковский остался непобежденным.

Велико было обаяние личности Жуковского. Гёте в 1821 году, во время первой же их встречи, весьма краткой, сразу, очевидно, угадал, кто перед ним был. И тотчас направил Василию Андреевичу письмо (от 16 ноября 1821 года): «Вы, вероятно, почувствовали при отъезде из Иены, как мне было больно, что Вы не продлили Вашего пребывания. Когда неожиданно явившийся, быстро овладевший Вашей дружбой, человек, столь же быстро удаляется, Вы начинаете раздумывать, что

Вы могли ему сказать, о чем спросить, что ему сообщить. Не стану говорить, что все это я ощутил вдвое, втрое, когда Вы и Ваш милый спутник покинули меня в моей келье; пока примите мое письмо, как повторение моего «добро пожаловать» и «прости». Я желал бы, чтобы Вы сохранили память обо мне...»

Василий Андреевич в ответном письме из Петербурга писал: «То, что Вы с такой добротой говорите о нашем свидании, чувствовал и я и в Вашем присутствии, и расставаясь с Вами...»

Возникла тонкая ниточка туманной еще, но живой взаимосвязи двух художников. Вторично Жуковский побывал у Гёте в начале сентября 1827 года, приехав в Веймар со своим будущим тестем, художником Рейтерном. На этот раз Василий Андреевич провел там несколько дней, неоднократно встречаясь с великим немцем и ведя продолжительные беседы с ним. А. Н. Веселовский приводит запись канцлера Фридриха фон Мюллера от 5 сентября: «Посещение Жуковского и Рейтерна привело Гёте в такое расположение духа, что он был любезен и общителен, как никогда еще, много говорил об искусстве и был доволен, когда Мюллер убедил гостей подольше остаться в Веймаре. «Я так распорядился своим временем, что для друзей его у меня хватит», — сказал Гёте».

А вот краткая, почти пунктирная запись из дневника Жуковского от 6 сентября: «...Прогулка по саду Гёте, дом, где он писал и сочинял Ифигению. Домик герцога. Место, где сживал он, Шиллер, Виланд, Якоби, Гердер. Речка Ильм. К Гёте. Усталость и деятельность...» Как это поразительно верно схвачено: когда-то 'Sturm und Drang' — период «Бури и натиска», теперь же на осеннем закате — «усталость и деятельность». За этими словами начинает возникать, вырисовываться мощный дух гетевского творчества, гетевского сознания, умеющего если не остановить, то предельно замедлить живущее мгновение, глубоко насладиться им... Усталость, но деятельность, все равно деятельность.

Жуковский был знаком Гёте не только как привлекательнейший человек и собеседник, но и как поэт. В 1821—1823 годах в Лондоне вышла «Российская антология» в двух томах, составленная Джоном Боурингом. (Благодаря этой антологии и Байрон услышал «русского соловья» Василия Жуковского.) «Господин Боуринг подарил мне, — пишет в своей рецензии Гёте, опубликованной в издаваемом им журнале «Kunst und Alterthum» («Искусство и древность») за 1829 г., — русскую антологию... Таким образом не только возымели для меня значение некоторые славные имена, но я мог ближе узнать человека, с которым давно сроднился в любви и приязни, — господин Жуковский: он любезно почтил меня милыми стихами, и теперь я получил возможность полюбить и оценить его в более широких границах его творчества».

Но Гёте, ощущая вечное и наслаждаясь настоящим, не мог, очевидно, вполне оценить истинное мироощущение Жуковского. Тот же Мюллер записывает 7 сентября, в день отъезда Василия Андреевича, мысль Гёте о том, что «люди вожделяют будущего и кокетничают с прошлым», потому что «не умеют оживить, оценить настоящее». Это написано в контексте общей оценки крайнего индивидуализма в стихах баварского короля. Однако добавлено: «И Жуковскому надлежало бы более обратиться к объекту». Но Василий Андреевич — натура глубоко религиозная в отличие от Гёте, и для Жуковского прошлое, настоящее и будущее — иные, чем для автора «Фауста». Русский поэт не «убивает прошедшее, ради того, чтобы воспеть его». Он ощущает его как часть своей нынешней жизни, то есть воспринимает жизнь как беспредельное целостное явление (отсюда и не может быть гетевского углубленного наслаждения мгновением; мгновение как бы затуманено).

Уезжая, Жуковский оставил Гёте стихи, посвященные ему и переведенные на немецкий язык.

Гёте, очевидно, в знак особого расположения подарил русскому поэту каллиграфически исполненный список «Мариенбадской элегии», несущей отблеск его последней «вечерней» любви к юной Ульрике фон Левецов. Собственноручно вписал эпиграф... (Увозя «Мариенбадскую элегию», Василий Андреевич совсем не представлял себе, что конец его жизни осветит любовь Елизаветы Рейтерн, которая была на сорок лет моложе его.)

После смерти Гёте в 1832 году Жуковский снова едет в Веймар и весь пребывает во власти воспоминаний и дум об ушедшем. Он в окружении любимых вещей Гёте, бесед о Гёте...

Интерес к гениальному немцу не затухал в Василии Андреевиче до конца его дней. Почему же он не взялся сделать перевод «Фауста» на русский язык? Причин, очевидно, несколько. Вероятно, одна из них и немаловажная состоит в том, что Жуковскому по его мировоззрению, по самому складу его жизни и натуры было чуждо напряженное стремление «бежать» за вечным обновлением, омоложением. В гётевском «Фаусте», как известно, отразился кризис привлекательнейшего европейского индивидуализма. Духовное развитие Жуковского уже в самом начале как бы превозмогло эту всепоглощающую чувственность индивидуального. Духовность Жуковского иного рода, чем духовность Гёте. Какой-то иной опыт и способ жизни руководил нашим поэтом. Но и не взявшись за «Фауста», он, так же как и Гёте, приходит к античности, там ищет прекрасное и начинает явственно слышать его из глубины веков. (Здесь сходство, здесь точки пересечения двух поэтических сознаний.) Жуковский переводит «Одиссею» Гомера, ищет в нем первородное, изначальное, безы-

скусное. «У Гомера нет отдельно-разительных стихов,— пишет он,— а есть поток их, который надобно схватить весь во всей их полноте и светлости... И в выборе слов надлежит наблюдать особенного рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годится у Гомера; все, имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное — здесь не у места...»

Еще при жизни Гёте, в 1829 году, Жуковский переводит стихотворение Иоганна Гердера «Гомер»:

Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера
Все раздается, и свеж, вечен Гомеров венец.
Долго думав, природа вдруг создала и, создавши,
Молвила так: одного будет Гомера земле!

Меня заинтересовало, насколько ценится ныне специалистами Жуковский перевод «Одиссеи». Историки античности А. Ф. Лосев и А. А. Тахо-Годи на мой вопрос ответили, что при всем том, что научные представления о мифе изменились, углубились, перевод Жуковского не потерял своей ценности и является образцом классическим. Отблеск античности теперь всегда лежит на челе великого русского романтика.

Но, судя по всему, античность не дала ему успокоения. Они с Гёте разошлись как бы в разные концы вечности. Жуковский до конца дней почти лихорадочно работает над поэмой «Агасфер, или странствующий Жид», которая остается незавершенной... Душа томится чувством невыполненной работы. Поэт как бы уходит в распахнутые двери в поиски истины. И в отличие от Гёте уходит с сознанием, что на земле «страдание — творец великого...».

Занимаясь Жуковским, читая скупые, пунктирные записи его «Дневников», много раз приходится сожалеть, что Василий Андреевич не оставил развернутых мемуаров. Какое духовное развитие предстало бы перед нами, какая жизнь идей. Гёте: и вслед за ним и другие выдающиеся деятели европейской культуры, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Шевченко, декабристы, молодой Герцен, семья Тургеневых, Киреевские, Бунины... и даже Андрей Тимофеевич Болотов. Какое созвездие имен и событий! Жизнь обеих столиц, жизнь русской провинции, путешествия с наследником русского престола... Эти мемуары могли бы стать бесценным литературным памятником мирового значения, своеобразной энциклопедией конца XVIII —

середины XIX века. Но Василий Андреевич, которого, казалось бы, легко представить изо дня в день склоняющимся над столом, стоящим за конторкой, пишущим или диктующим воспоминания, не оставил нам их. Натура его искала вольного поэтического излияния, освобождения духа, главное произведение мерещилось впереди, и до конца дней он оставался в поэзии. Душа его, несмотря на все потрясения и переживания, и в пожилом возрасте оставалась юной (здесь сходство его с натурой Гёте). Есть такие души и лица: юность ли в них глубоко мерцает, мировая ли культура с неким чуть застывшим отблеском юности, трудно уловить. И вообще, несмотря на всю кажущуюся ясность, трудно по-настоящему уловить облик и образ Жуковского. В одном из писем он замечает: «Поэзия... не обман, напротив, верховная правда жизни; но в первые свежие лета она сливается со всем, что нас окружает. Позже она становится, с одной стороны, воспоминанием, с другой — верою; в промежутке между этими двумя образами — опустевшая сцена жизни; видишь вблизи декорации, кулисы, машины и веревки...» Может быть, это объясняет, почему он не стал писать мемуары... А вот жилище Василия Андреевича в Германии, предметы, окружающие его жизнь. М. П. Погодин, посетивший поэта в 1842 году, так описывает этот дом: «Древний и новый мир, язычество и христианство, классицизм и романтизм являются на стенах его в прекрасных картинах. Здесь сцены из Гомера, там жизнь Жанны д'Арк, впереди Дрезденская и Корреджиева Мадонны, молитва на лодке бедного семейства, Рафаэль и Дант, Сократ и Платон. В Помпее археологи называют один дом Домом поэта по каким-то неясным приметам, но до Жуковского с первого взгляда никому нельзя назвать иначе...» Казалось бы, все свидетельствует о тихом биении часов жизни. Но мы-то знаем грозные признаки разлада в его душе в конце жизни. И все действительно, как видится, он не принимал за разумное... Ему не чужды были публицистичность вплоть до памфлетности. Назовем для примера «Радовиц, как его знают его друзья, письмо одного не-немца», вышедшее в Берлине в 1850 году на немецком языке.

Пристальный его взгляд, обостренный глубокий ум умеют точно разглядеть и верно оценить многие определяющие черты социально-культурной жизни. В книге «В. А. Жуковский» (издание журнала «Русский библиофил»), вышедшей в начале нашего века, опубликовано письмо Василия Андреевича А. П. Мальтицу (от 7 ноября 1845 г.), в котором, в частности, сказано: «Мой дорогой друг! Молва — та богиня, которая в древности обладала ста голосами, из кото-

рых каждый звучал в великолепную бронзовую или серебряную трубу и которая в наше время, взамен этих громогласных труб древности, свистит в сотню тысяч дудок, свернутых из газетных листов, та богиня, которая когда-то занималась великими событиями и объявляла только о великих происшествиях современному миру и потомству и которая в наше время рвет свои рожки, повторяя каждую глупость, которая исходит из уст какого-нибудь мелкого трактирного героя; эта богиня — когда-то прекрасный, величественный, крылатый гений с орлиными очами, которые с высоты небес ясно видели все на земле, — теперь старая колдунья, горбатая, морщинистая, гарцующая в воздухе верхом на метле, совсем косоглазая, видящая все наоборот; эта богиня — когда-то друг и орган истины, теперь же лживая, как цирюльник или как француз, описывающий Россию...» (Имеется в виду книга Кюстина «Россия в 1839 г.».) Эти замечания Жуковского, высказанные в частном письме, как бы рисуют — набрасывают верными штрихами образ массовой культуры, получившей свое особенное развитие в XX веке. Что противопоставлял Жуковский этому? Истинное просвещение.

Обладая точным и развитым чувством прекрасного, Жуковский с присущей ему глубокой осведомленностью и энергией берется за организацию Министерства изящных искусств. Он разрабатывает проект будущего министерства, полагая, что оно может оказаться важнейшим источником русского просвещения, благотворно повлиять на общественный климат. Сам он собирался возглавить министерство и тем самым стать в центр общественно-культурной жизни России. Однако проект не был осуществлен. Николай I остался равнодушен к этому предложению. Первая попытка создания у нас в отечестве, можно сказать, министерства культуры, как видим, тоже принадлежала Жуковскому. П. А. Вяземский в своих «Записках» остроумно замечает: «Никогда бы не назначали у нас Жуковского, например, попечителем учебного округа, а суют на это место Крафстрема, Траскина. А если бы Жуковскому хорошенько бы поинтриговать и просить с настойчивостью, то, вероятно, переименовали бы его в генерал-майоры и дали бы ему бригаду, особенно в военное время».

Как мы видим, Жуковский для своих современников и на самом деле был активным человеком добра и общественного блага.

Решительно пришла пора пересмотреть еще бытующие взгляды на Жуковского как на человека социально неактивного. Разумеется, он не был сторонником декабристов. Но правомерно ли так односторонне понимать общественную активность? Достаточно вспомнить замечательную редакторскую деятельность Жуковского, его публицистику, и, в частности, статью «Писатель и общество». Не надо забывать, что,

скажем, ко времени встречи с Гёте Жуковский был, кажется, самым известным русским поэтом в Европе. Официальный его авторитет на родине был весьма высок, и, надо сказать к чести Жуковского, в обществе он всегда занимал позицию Благородства и Милосердия. Сколько раз он заступался за Пушкина, хлопотал о декабристах, помог выбраться из беды Боратынскому... А его забота о больном Батюшкове, о Николае Тургеневе... Решительная помощь Шевченко в получении воли, помощь молодому Герцену, сосланному в Вятку... Не было такого второго человека и литератора в русском обществе. «Ты при моем сыне,— выговаривал ему царь.— Как тебе слыть сообщником людей беспорядочных или осужденных за преступления?» Очевидно, наблюдая вблизи придворную жизнь, Жуковский испытал немало разочарований, пережил, возможно, и духовный кризис. Во всяком случае, многолетнее молчание Жуковского-поэта, отмеченное Пушкиным, было признаком душевного разлада, как нам представляется, связанного не только с обстоятельствами личной жизни. Иногда и молчание есть общественная позиция. А вот что Василий Андреевич писал в 1843 году великому князю Александру Николаевичу: «Совесть, если только она не подкуплена, всякий раз будет отвечать коротко и ясно. Дело только в том, чтобы спросить вовремя и с надлежащим благоговением. Вам, наследнику русского царства, более нежели кому-нибудь нужна привычка к этому благоговению. Не думайте, чтобы Вы могли устроить по воле своей будущее Ваше и Вашего народа. Нет, это — обман!.. Не будьте никогда сами выше закона, хоть Вы сами законодатель, ибо закон, нарушаемый Вами, упадет и у других в презрение. Бойтесь опасного правила, которое столько зла наделало в свете, что для общего блага, так называемого государственного блага, надобно жертвовать частным... Что такое общее благо? Идея, служащая часто маской самых зловредных намерений, самых опасных заблуждений. Общее благо есть сумма благ частных. Может ли оно сосуществовать в целом, когда нет его по частям? Средство не оправдывается целью. Из семян неправды не произрастает жатва благоденствия». (Некоторые высказанные в этом письме мысли станут любимыми, «большими» идеями Ф. М. Достоевского.) Вот смысл и значение бесед Жуковского с наследником русского престола, будущим Александром II. И это долговременное влияние стоило многого.

Величина поэтической личности определяется не только написанными произведениями, но и влиянием поэта — явным и тайным — на своих выдающихся современников. И в этом смысле Жуковского трудно переоценить. Василий Андреевич в молодую пору Пушкина не только никогда не относился с ревностью к восхождению гения, но и призывал соотарищей своих объединиться, чтобы «вырастить гиганта». Пушкин не раз обращался к нравственному камертону своего учителя, как бы проверяя себя.

Думается, проживи Пушкин дольше, и влияние на него Жуковского с годами бы возросло. Пример взаимоотношений Василия Андреевича с Гоголем наводит на мысль о многом. «Выбранные места из переписки с друзьями» появились, как известно, не без влияния Жуковского. А сближение их началось еще в 1831 году, когда они вместе с Пушкиным, все трое, были увлечены идеей создания литературных сказок. Таким образом, Гоголь — как бы дитя и Пушкина, подарившего ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ», и Жуковского, оказавшего на Николая Васильевича большое духовное влияние. Гоголь в Италии знакомит Жуковского с замечательным художником А. А. Ивановым, и Василий Андреевич оказывает последнему не только большое содействие, но и через Гоголя и прямо поддерживает его главное творческое устремление... Здесь все взаимосвязано в своем духовном развитии.

Надо сказать, что одним из опорных слов и понятий Жуковского и в прозе и в поэзии было понятие Добродетели. Идея самосовершенствования пронизывала все его существо. (И это нельзя не соотносить — пусть отдаленно — с нравственными исканиями Л. Н. Толстого.) Перед смертью поэт тяжело, болезненно размышляет о человеческой ответственности; в исповедальных строках, соотнеся высмотренный в глубине своей «полусонной молодости» — как он теперь оценивает ее — рационализм с «фальшивой сентиментальностью», он не удовлетворен своей жизнью. Встревоженная душа его оглянулась на самом краю бытия.

Жуковский как бы всю жизнь познает себя.

ВОЛЯ К РАЗВИТИЮ РОМАНТИЗМА

(В. А. Жуковский и русские поэты XIX—XX веков)

Жуковский был великим поэтом-романтиком. «Правда настроения» (характерная особенность в творчестве Жуковского, отмеченная А. Н. Веселовским) сочеталась в его поэтическом мире с вольной, как бы поющей пластичностью стиха, создавая неповторимую притягательность стиля.

Но что это за поющая пластичность стиха (привлекавшая к себе многих замечательных композиторов)? Чем она отличается, скажем, от романсовой музыкальности стиха того же Алексея Апутина? Дело здесь не только в разной величине дарований, но и в том, что в жуковском стихе живет глубинная музыка слова-духа, которая не

исчерпывается собственно музыкой романса или песни. Василий Андреевич все время словно бы прислушивается и слышит не улавливаемую многими стихотворцами высокую, отдаленную музыку мировой гармонии, ощущая и ее трагическую подоснову. Вот какая музыка светит в глубине жуковского стиха. (А не только «певкость», отмеченная Н. Полевым, а вслед за ним Веселовским.) Заметим, нередко поэзия такой направленности обладает высоким строем, но бедным языком. Однако для стиля Жуковского характерен вкус поэта к смелому, а подчас и дерзкому сближению понятий и определений при создании образа. (Эта сторона его художественной природы напрочь отсутствует в расхожем представлении о поэте, якобы всегда тихом, пасторальном, архаичном.) Нет, в нем много жизни! И много движения! Лиризм Жуковского полнозвучен. Вспомним «Лесного царя». Или вот, скажем, балладу «Рыбак» (перевод стихотворения Гёте):

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной,
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажною всплыла главой
Красавица из них.

«Душа полна прохладной тишиной» (в оригинале Гёте этого образа нет) — в 1818 году, когда баллада была переведена Жуковским, это выражение воспринималось как неслышанно резкое... А, скажем, недоброжелательно настроенная к Жуковскому критика относилась к такой стилистике с раздражением, считая ее весьма претенциозной. Так Орест Сомов в «Невском зрителе» в январе 1821 года упрекал Жуковского следующим образом (критик выступил под именем «Житель Галерной Гавани»): «Душа (должно догадываться рыбакова) полна прохладной тишиной. В переносном смысле говорится, что восторг, благоговение наполняет душу... но ни тишине, ни шуму не приписывается способность наполнять душу. И что за качество тишины прохладная? По этому есть и теплая тишина и знойный шум и т. п.». «По поводу строки «И влажною всплыла главой красавица из них» «Житель Галерной Гавани» замечает: «Как, голова красавицы составлена из влаги?» Академик В. М. Жирмунский по поводу обвинений Сомова, предъявленных поэту, резонно замечает: «Эмоциональный стиль Жуковского, характерный для новой лирики интимных элегических переживаний, вызывает резкий протест с точки зрения поэтического рационализма, требующего логической точности словоупотребления».

Отметим попутно, что пушкинский образ «голос яркий соловья», столь восхищающий многих своей дерзостью сближения понятий, возник, как мы видим, не без учебы у Жуковского. Эта учеба принципиальная. Общеизвестно влияние Жуковского на юного Александра Пушкина. Однако в дальнейшем Пушкин совершенно справедливо заметил, что он ученик Жуковского, но не его следствие. В двадцатых — тридцатых годах происходит становление Пушкина как «поэта действительности», что более свойственно духовному складу его дарования. Когда он своим сияющим гением увлек большинство русских поэтов-современников сильно повлияв на их творчество, Жуковский не поддался этому влиянию (при всей душевной чистоте и мягкости облика у Василия Андреевича был определенный, сильный поэтический характер) и продолжал идти своим собственным путем. В период глобальной смены литературных пристрастий происходит подавление новым направлением прежнего. Влияет ли это на сам художественный потенциал творца? Безусловно. Огонь пусть истинного, но малого таланта может затухнуть. Однако лиризм Жуковского не растворился в новом воздухе, не потерял упругость. Движущая пружина поэзии Василия Андреевича не ослабла. В этом великом русском поэте как бы воплотилась сама воля к развитию романтизма в период, неблагоприятный для такого развития. Поэзия Жуковского не остановилась, не застыла в координатах ограниченного времени. И в этом — дополнительное, сокровенное значение поэтического подвига Жуковского. Тогда это было трудно, а вернее невозможно увидеть: еще не существовали в природе значительные русские поэты конца XIX и XX века, воплотившие в своем творчестве романтизм в его развитии, авторы, для которых первоначальным импульсом к созданию их творений явилась поэзия Жуковского.

Школа Жуковского существовала при его жизни: достаточно назвать таких русских поэтов XIX века, как Василий Туманский, Андрей Подолинский, Виктор Тепляков, и ряд других, чтобы убедиться в этом. Характерным примером могут служить, скажем, поэмы Подолинского «Нищий» или «Борский».

Все это были стихотворцы, достаточно известные в свое время. Однако школа Жуковского не исчерпывается ими, влияние его на последующую русскую поэзию значительно шире.

Осип Сенковский в 1849 году в статье «Одиссея и ее переводы» писал: «...со своим светлым словом, со своим пленительным русским стихом Жуковский, поэт нынче более, чем когда-либо, поэт, когда все перестали быть поэтами...» Мы не говорим уж о Н. В. Гоголе, который до конца дней своих чтит Жуковского не только как духовно близкого человека, но и как истинного, подлинно оригинального поэта, что со

всей определенностью высказано в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность».

Наиболее проницательные исследователи умели и умеют, не поддавшись магии одного имени, не приписывать одному гению все заслуги в создании новой русской Поэзии. Далеко не один Пушкин, на наш взгляд, основоположил новую русскую поэзию, утвердил новый русский стих. Роль Жуковского в этом процессе весьма значительна. Причем Пушкин «не отменил» Жуковского. Последний же продолжал свою титаническую работу и до появления Пушкина и после его гибели, вовсе не сойдя с главной сцены русской литературы, как считают иные. (Пристрастия читающей публики — другое дело.) Сам процесс развития Поэзии сложнее наших представлений о нем, неоднороден, разветвлен. И как оказывается, на поверку может иметь не одно, а два или даже несколько равнозначных направлений. Как отмечали П. А. Вяземский и М. П. Погодин, Жуковский принципиально раздвинул «пределы нашей поэзии», значительно расширил ее диапазон. Он обогатил русскую поэзию — более чем какой-либо другой поэт — новыми метрическими размерами (известно влияние «Шильонского узника» на «Мцыри» Лермонтова). Но ведь создать новый ритмический размер и привить его, как живой росток к древней кроне, — это значит самым сильным образом повлиять на развитие языка. Ибо устойчивый метрический размер как бы сам по себе начинает работать, подсказывать слова, помогать словесной обработке языка, втягивать в эту колоссальную работу других, то есть всех истинных поэтов, начинающих использовать этот размер. Таковы механизм и свойство вновь возникших, неожиданных метрических размеров. Исследователи уже обращали внимание на трансформацию находок Жуковского в этой области в творчестве других авторов. Однако в контексте нашей статьи необходимо еще раз подчеркнуть это. Ведь даже старик Державин испытал на себе интонационное влияние Жуковского, его элегии «Вечер», написав уже после Василия Андреевича своё послание «Евгению» (Жизнь Званская).

Знаменитый «Пловец» Н. М. Языкова («Нелюдимо наше море...») интонационно и сюжетно восходит к стихам Жуковского:

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

А «Несжатая полоса» Некрасова как бы содержит в глубине своей «памяти» строки Жуковского из его баллады «Суд божий над епископом»:

Было и лето и осень дождливы,
Были потоплены пажити, нивы,
Хлеб на полях не созрел и пропал,
Сделался голод; народ умирает.

У Жуковского учились многие. Даже Н. А. Некрасов был воспитан на Жуковском (и первый его сборник — следствие этого воспитания). Разумеется, как это нередко случается, в дальнейшем он утвердил в поэзии стиль совершенно противоположный. Но некоторые глубокие мотивы Жуковского, на наш взгляд, неясно начинают мерцать, угадываться и в позднем Некрасове. Первоначальное воспитание не исчезает бесследно.

Поэзия в существе своем — дело тонкое. И Жуковский, может быть, безотчетно даже создал то, что потом творчески развилось в последующих авторах. Другими словами, он своей поэтической, великой переводческой деятельностью не только просвещал и воспитывал русского читателя, но и воспитывал русских поэтов, причем в гораздо большей мере, чем мы предполагаем. Вот, скажем, даже А. Фет уж после смерти Жуковского, в 1855 году пишет:

Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою...

Но если рассмотреть глубже поэтику Жуковского (не отрицая, разумеется, характерных мелодических приемов, с развитыми «вопросительной и восклицательной интонациями» и т. д.), если осмыслить его поэзию во всей ее целостности и сокровенности, т. е. стиль не только как напевный, но стиль в его идеальном существе, то открывается, что Жуковский с помощью нового поэтического языка выразил такое содержание духовной жизни русского человека, которое придало его поэзии некие параболические черты. В чем же заключается эта духовно-поэтическая «парабола» Жуковского? Александр Блок в своей «Автобиографии» пишет: «Первым вдохновителем моим был Жуковский». Заметьте, не Пушкин, но Жуковский. Что это, случайность? Казус домашней библиотеки? Вовсе нет. Здесь прослеживается диалектика романтизма в русской поэзии не как школа даже, а как тип поэтического сознания. Пушкин, отойдя от романтизма «юного», к символическому «высокому» романтизму остается, кажется, равнодушен. Пушкин становится провозвестником великого реализма в русской литературе. Однако вечнозеленое древо романтизма, оставаясь в тени, вовсе не увядает: его питают мощные тайные соки. Жуковскому направлению остается верен слепой поэт

И. Козлов. Глубоко воспринимал поэзию Жуковского прозаик-поэт Н. В. Гоголь, которому как раз символика высокого романтизма не чужда. Вслушивается в лирику Жуковского «вещей душой» Тютчев. Его сердце, бьющееся на пороге «как бы двойного бытия», созвучно поэтической духовности Жуковского. Но двоемирие романтика-Жуковского светлее и идеальнее тютчевского.

Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.

Такого рода лирика Жуковского нашла определенный отзвук и развитие в интуитивно-философском направлении поэтов-любимудров. И, как мы уже говорили, у Тютчева. Сюда следует добавить философскую лирику Я. Полонского, А. Фета, у которого сильно тяготение к античным образам, к символике вообще. Отсюда, с этих вершин, уже начинает проглядываться русский символизм как литературное течение. И Тютчеву, и Полонскому, и Фету, и А. К. Толстому в большой степени свойственно характерное для Жуковского качество не то чтобы мыслить на фоне пейзажа, но ощущать как бы развитие мысли и чувства в самой ткани пейзажа.

Все эти начала ведут в отечественной поэзии к Жуковскому. Но сколь ни был велик Жуковский как поэт-романтик, сколь ни были бы развиты им мелодические приемы, характерные для этого направления (В. Эйхенбаум даже считает, что «мелодическая роль вопросительной интонации исчерпана была Жуковским»), романтизм как явление требовал своего проявления во всей полноте, т. е. и того, чего не было в поэзии Жуковского. Имеется в виду поэзия протестующей личности. Эту задачу в русской литературе выполнил Лермонтов. Явившись реалистом в «Герое нашего времени», он в главных своих поэтических свершениях преодолевает равновесие, здравый смысл, «прозаичность» поэзии действительности. Воспарение, страстность, ирония, странность души поднимает его над миром, с которым он враждует. И опять высокая музыка, как и у Жуковского, преобладает над логикой смысла.

Романтизм не останавливался в своем развитии, не исчезал в русской поэзии. Представляется, что и Владимир Бенедиктов, попавший «под колесо» поэзии действительности (в пух и прах раскритикованный Белинским), принадлежит к романтическому направлению, и судить о нем справедливо, очевидно, по законам именно романтизма. При всем при том, что этому автору свойственны провалы вкуса и великий критик в целом ряде своих оценок прав, полностью зачеркивать Бенедиктова-поэта было, как открылось теперь, ошибкой. Как раз Жуковский с большим интересом встретил

появление В. Бенедиктова, а Василий Андреевич был образован и обладал литературным вкусом не менее Белинского. (Вспомним, как с излишней категоричностью уже в нашем веке в свете суровой действительности начисто отрицали значение поэзии романтика К. Бальмонта.)

Но вернемся к главным поэтам романтического направления. Интересно проследить последовательно, какие глубинные течения (а не только злободневность) привели к отечественной поэзии, скажем, к символизму, акмеизму, неоклассицизму... Во всяком случае, как известно, к символизму привело направление, начатое в нашей литературе Жуковским. Высокая символика непреходящего чувства к прекрасной женщине, обобщение женских образов, идеальное у Жуковского, нашло отклик и в творчестве Владимира Соловьева, а затем — Александра Блока. (Разумеется, здесь нами выделен лишь частный мотив влияния Жуковского.) Блоку на протяжении всего его творчества было коренным образом свойственно (как и Жуковскому) постоянно слышать, ощущать «музыку отдаленного «оркестра». Есть еще одно замечательное сходство между этими поэтами: оба они как публицисты резко противостояли «торговому направлению» в отечественной литературе.

А. Блок сильно повлиял на поэзию последнего времени. С новой свежестью стало действовать «притяжение» Тютчева, Фета, Полонского... Другими словами, «поэзия действительности», утвердившись, не отменила продолжающую жить и развиваться романтическую традицию. (Поэзия Жуковского тоже, смеем утверждать, — явление, развивающееся во времени, как и — по мысли В. Г. Белинского — поэзия Пушкина, гениального «поэта действительности».) Пришла пора выделить и ввести в научный и широкий оборот такие понятия, как плеяда Жуковского (а не только плеяда Пушкина), школа Жуковского (и тут не только И. Козлов, В. Бенедиктов, В. Туманский, А. Подолинский, В. Тепляков, но в определенном смысле и Д. Веневитинов, Ф. Тютчев, А. Фет, Я. Полонский, А. К. Толстой и другие).

Как будет развиваться жуковская традиция дальше? Время покажет. Нам все же представляется, что к концу века живое теплотворное течение высокого романтизма в русской поэзии будет усиливаться, развиваться, принесет новые произведения прежней пленительной силы.

...Вечно светит лишь сердце поэта
В целомудренной бездне стиха.

Эти строки Н. Заболоцкого словно бы освещают нынешнюю жизнь поэзии романтизма.

Судя по всему, начинает вырисовываться принципиально новая глобальная модель в самом подходе к изучению творчества Жуковского. Живой импульс, рожденный Жуковским, не погас и не погаснет в отечественной поэзии, а будет продолжать жить, развиваться, уйдет в бесконечность...

СВЕТ БЕСКОРЫСТИЯ

В пушкинском «Моцарте и Сальери» читаем:

...я избран, чтоб его
Остановить — не то, мы все погибли...

Это Сальери, все более выражая свое естество, готовится погубить гения. В сущности, образ композитора Антонио Сальери, давно уже обретая некие мифологические черты, стал предупреждением каждому, кто вступает (обладая определенным даром!) на поприще искусства. К сожалению, сальеризм в мировом искусстве — явление не такое уж редкое. Поэтому обратные примеры — сбережения гения — столь драгоценны для нашей исторической памяти, столь необходимы для воспитания наших чувств. В этом смысле встреча с гением — всегда испытание для таланта, для трудолюбивого таланта, для большого дара... Вот представьте: Россия после победы над Наполеоном. Чувство единства со своим народом, все более обнаженное чувство справедливости, вольнолюбивые порывы охватывают сердца и умы лучших дворян. Все это уходит на глубину, постепенно развивается. Между тем малоподвижен угасающий Державин. В зените признания и славы Н. М. Карамзин. Жуковский — первый поэт России. Только что вступил в зрелые годы. А в это время в Царскосельском Лицее зажегся новый светильник сильным природным чистым огнем. Стал вырисовываться гений. Живое биение его поэзии было услышано. Но это был юный гений, и как все юное — хрупкий, незащищенный. Каков же отклик Жуковского, первого поэта России, к тому же еще вполне молодого человека? Он обращается к П. А. Вяземскому с призывом объединиться, чтобы «вырастить гиганта». Эту же мысль Жуковский в той или иной форме горячо высказывал и другим своим товарищам по литературе. (Только ли Жуковский думал так? Н. М. Карамзин думал так же. Осенью 1815 года П. А. Вяземский писал К. Н. Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. «Его «Воспоминания» вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражениях, какая твердая и мастерская кисть в картине. Дай бог ему здоровья и удачи, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит каналья!...») Но опять же заметим, Жуковский

был тогда первым национальным поэтом России. А это — совершенно особое положение в обществе. Чувство творческой ревности могло бы затмить сердце Василия Андреевича, но не затмило. Ему не был свойствен сальеризм даже в самой малой степени. Этому способствовали, разумеется, судьба, характер, дар, тип воспитания. Думаю, еще одно обстоятельство сыграло здесь свою немаловажную роль: в это время закладывались основы новой русской литературы, которой суждено было получить подлинно классическое и мировое значение. И Карамзин, и Жуковский, и Вяземский, и другие, находясь в поле напряжения развивающейся литературы, очевидно, чутко ощущали сам великий дух этой литературы, обещающий в своем дальнейшем развитии невиданные дотоле плоды. Преданность развивающемуся духу национальной культуры была у этих писателей выше творческого эгоизма. А Жуковский вообще, кажется, был начисто лишен его. Известная история с портретом, подаренным «победителю-ученику», и ряд других поступков как бы зримо зафиксировали в нашем сознании существо натуры Василия Андреевича. Мы, грешные, по слабости своей тут же принялись простодушно строить иерархический ряд: с этих пор Жуковский, мол, уже не первый поэт, сам ведь признал — первенство перешло к А. С. Пушкину и т. д. А надо бы нам прежде всего обратить внимание на бескорыстие этой поэтической дружбы, на непринужденный, натуральный свет этого бескорыстия, что само по себе является выражением гениальной личности. Много ли в мировой и отечественной истории можем мы насчитать подобного рода поступков? (Вот ведь и в XIX, в золотом веке русской литературы, известны примеры глубокой неприязни друг к другу крупнейших писателей, принадлежащих подчас одному направлению.) В этом смысле урок Василия Андреевича Жуковского принципиально важен для последующих поколений русских литераторов. Наверное, можно было бы написать драматическое произведение, смысл которого был бы иной, чем в «Моцарте и Сальери», и назвать эту пьесу «Жуковский и Пушкин». Спросят: где же здесь антиподы, где драматургия? Драматургия здесь лежит в иной плоскости: трагическая линия судьбы Жуковского другая, чем у Пушкина, но тоже трагическая. Скрытые пружины их юношеского воспитания различны. Вольнолюбивый дух Царскосельского Лицея хорошо известен. Иное дело — Московский Университетский Благородный пансион, когда в нем учился Василий Жуковский, Дружеское литературное общество, участники которого смутно светил образец Дружеского ученого общества, имена и деяния прежде всего Николая Ивановича Новикова, Михаила Никитича Муравьева, Ивана Петровича Тургенева и, конечно же, Николая Михайловича Карамзина. (Карамзин здесь занимает контрапунктное — соединительное место, играя большую роль и в жизни Жуковского и в жизни Пушкина.) До сих пор менее всего высвечена в этом смысле фигура М. Н. Муравьева, философа

и моралиста, автора исторических трудов, писателя и наставника. В «Неизданном конспекте по истории русской литературы» Жуковский писал о нем: «Он имел мало влияния на своих современников, так как почти ничего не печатал. Его произведения вышли в свет после его смерти. По своим познаниям он был много выше своих современников».

О большом различии духовного мира Жуковского и Пушкина красноречиво свидетельствуют их библиотеки и сами маргиналии (заметки на полях). В библиотеке Жуковского — по описанию ее томских исследователей — находится много книг «религиозного, духовно-нравственного и мистического содержания». Заметим попутно, что генезис духовных связей Василия Андреевича наталкивал некоторых исследователей на мысль: «А не был ли Жуковский масоном?» В списке членов масонских лож имя его нигде не значится. А косвенные доказательства, приведенные Ю. М. Лотманом в его небольшом исследовании «Жуковский-масон» (Ученые записки Тартуского университета, 1960 г., выпуск 98, стр. 311), нельзя считать научно корректными: в данном случае ощущается явная натяжка сопоставлений и выводов при отсутствии документов.

Итак, Жуковский, чей духовный мир развивался в ином направлении, чем духовный мир Пушкина, с радостью принял нового гения, проявив при этом черты не только великодушия, но и самоотверженности. Заметим, что наши представления о безусловном признании лидерства Пушкина в поэзии 20-х годов XIX века не совсем соответствуют действительности: оставалось немало любителей поэзии (особенно среди людей старшего поколения), отдававших свое предпочтение поэзии Жуковского. В знаменитой «Российской антологии» (в 2-х томах) Джона Боуринга, вышедшей в 1821—1823 годах в Лондоне, имени А. С. Пушкина еще не было. Но был Жуковский. По образцам его поэзии, представленной в этой антологии, его узнают Байрон и Гёте. Но и путешествуя по Европе, Жуковский рассказывает о Пушкине как о гении. Возможно, в связи с этим и возникла легенда о том, что Гёте послал с Жуковским в подарок Александру Сергеевичу гусиное перо, которым писал. Об этом сообщил П. В. Анненков, опираясь на свидетельство П. В. Нащокина. Об этом же говорится в письме польской пианистки Марии Шимановской веймарскому канцлеру Мюллеру. Пушкин, по рассказу Нащокина, хранил это перо в красном сафьянном футляре. Однако С. А. Соболевский, близкий знакомый Пушкина, ничего не слышал об этом подарке Гёте и никогда его не видел. Сведений об этом мы не находим также ни у Жуковского, ни у Пушкина. Легенда это или был? М. Цявловский считал, что было. Одно неоспоримо: Василий Андреевич боготворил Пушкина. Александр Сергеевич отвечал ему тем же.

ЖУКОВСКИЙ И БОЛОТОВ

Трудно представить себе какую-либо внутреннюю связь между Василием Андреевичем Жуковским, поэтом тончайших романтических переживаний, и Болотовым, человеком практического склада ума, естествоиспытателем, агрономом, редактором первых в России сельскохозяйственных журналов.

Однако в «Дневниках В. А. Жуковского» (Спб., 1903) мелькнуло имя Болотова. И вот при каких обстоятельствах. В 1806 г. у молодого Жуковского возникло желание подробно «рассмотреть свою прошедшую жизнь», наметить план на будущее. Желание вполне естественное для молодого человека, живущего напряженной духовной жизнью.

В разделе «Прошедшая жизнь» читаем: «...7) Тульская жизнь. Редуты. Болотов. Смерть государыни, Сатина. Отъезд в Москву».

Дальше набросков дело не пошло. И больше имя Болотова в «Дневниках» Василия Андреевича не появлялось.

Однако известно, что привезенный из Белёва в Тулу Жуковский учился сперва в немецком пансионе Роде, а потом в Главном народном училище и жил в доме Юшковых (Варвара Афанасьевна Юшкова была единокровной сестрой Жуковского).

Фамилия Юшковых часто встречается в «Записках» Болотова, который весьма дружен был с Петром Николаевичем Юшковым, главой семейства, очень тепло относился к Варваре Афанасьевне и, бывая в Туле, непременно посещал их дом. Андрею Тимофеевичу было более чем приятно общество этих людей, и они, в свою очередь, дорожили его дружбой.

Читаем у Болотова: «Я, пустившись в путь и переночевав в Дедилове, поспел в Тулу 7 числа, еще до света, и остановился опять по приглашению у господина Юшкова... и прошел у нас сей день праздно, и мы большую часть оного и весь вечер провели дома с разными приезжавшими к г. Юшкову гостями и гостившему у него в сие время его тещею Марьей Григорьевной Буниной».

В другой раз, приехав из Богородицка, Андрей Тимофеевич провел все утро у Юшковых, исправил имеющуюся у них электрическую машину «и на ней лечил кой-кого электрицизмом».

Однажды, посетив Юшковых, Болотов попал на домашний концерт, «какого никогда не случалось слышать»: «Тут провел я весь вечер и ужинал, и могу сказать, что весь сей день был один из приятнейших в моей жизни».

Литературно-музыкальные вечера нередко проводились в доме Юшковых, и молодой Жуковский был их неизменным участником.

Будущий великий поэт, безусловно, должен был часто видеть Болотова, хорошо знать его. Не мог и Болотов не знать впечатлительного, задумчивого подростка. В это время складывался духовный мир мальчика, определялись его художественные наклонности. Какие же впечатления скрываются за конспективной записью в «Дневнике» Жуковского: «Тульская жизнь. Редуты. Болотов...»?

И вот в довольно старой книге, так называемом «Уткинском сборнике» (по селу Уткино Белёвского уезда Тульской губернии), изданном в Москве в 1904 г., нахожу наконец еще одно упоминание имени Болотова. В письме к своей племяннице Анне Петровне Зонтаг, писательнице и мемуаристке, Жуковский пишет в апреле 1851 г.: «Милая Анна Петровна, сию минуту получил Ваше последнее письмо, прочитал его и тотчас отвечаю. Оно заставило меня плакать, так живо и так много милых теней встало из глубины прошедшего перед глазами моими». И далее, с большой теплотой вспомнив рано ушедшую из жизни Варвару Афанасьевну Юшкову (мать Зонтаг). Жуковский продолжает: «Из посторонних лиц этого времени самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова. С той поры я с ним не встречался. Раз только видел его мельком в Москве: он ехал в наемной карете извозчицъей и держал в руке план Москвы, по которому, вероятно, отыскивал нужную ему улицу. В то время, когда он посещал нас в Туле, он был мне самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своею многосторонностью».

Важнейшее свидетельство. Жуковский пишет это письмо незадолго до смерти, будучи прославленным поэтом, пройдя путь, на котором он имел счастье узнать замечательных людей, дружил с Пушкиным, встречался и беседовал с Гёте. И многое, естественно, переоценивши, он все-таки продолжает вспоминать с великим уважением Болотова и пишет о его сильном влиянии на себя.

ПРОГУЛКИ И ПУТЕШЕСТВИЯ С ПОЭТОМ

Петроверигский — старый московский переулочек — ранним летним утром. В глубине его в солнечном свете, в мягкой тени разросшихся деревьев виден веющий чистотой и свежестью отделки особняк, история которого уходит в глубину времени. Во дворе за ажурной решеткой, кроме основного дома, желтеют приземистые толстостенные флигели. Раньше когда-то еще и сад был, обширный, уходящий до самого обрыва в конце переулка. Городская усадьба эта горела в 1812 году во время великого московского пожара, восстанавливалась. И дом этот более известен сейчас как «Дом Боткина». Но с 1803 по 1808 год здесь жил с семьей Иван Петрович Тургенев, друг и соратник великого просветителя Н. И. Новикова. Со старшими

сыновьями Тургенева Андреем и Александром еще со времен Университетского Благородного пансиона был в тесной дружбе Василий Андреевич Жуковский. Андрей, брат по духу, талантливый юноша, рано умер. Дружба с Александром проходит через всю жизнь Жуковского. Обширна и весьма интересна их переписка. Позже поэт сближается и с младшими Тургеневыми — Николаем и Сергеем. За Николая, одного из инициаторов «Союза благоденствия», посещавшего тайные собрания «Северного общества», он после декабрьских событий 1825 года упорно ходатайствует перед самодержцем.

Дом И. П. Тургенева в Петроверигском переулке (до этого Тургеневы жили в здании Университета, директором которого в 1796 году назначен Иван Петрович) был одним из привлекательнейших культурных центров старой Москвы. Лучшие умы собирались здесь. И Жуковский часто посещал этот дом, а то и гостил, приезжая из белёвских краев.

Василий Андреевич как бы и привел нас сюда, в Петроверигский переулок, ранним летним утром. Во всяком случае, его присутствие было ощутимо. Мои спутники — доктор исторических наук, участница жуковских чтений в Белёве в Мишенском Ольга Эдгаровна Туганова и знаток старомосковских улиц, столичной архитектуры, некрополей, историк библиотеки Московского университета Виктор Васильевич Сорокин. Во время прогулок по Москве, по местам, связанным с именем Жуковского, все думалось, где бы поставить бюст поэта. Какое самое удачное место найти для этого? Жил он и бывал в разных местах первопрестольной. В начале 1797 года Мария Григорьевна Бунина привезла «Васеньку» Жуковского в Москву на учебу в Университетский Благородный пансион. К этому времени пансион находился между Тверской и Большой Никитской в приходе церкви Успения на Овражке, в доме Шаблыкина. Здесь он не только учился, но и некоторое время потом жил в белом флигеле у инспектора пансиона профессора Московского университета Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, благоволившего к молодому поэту. (Теперь на месте Благородного пансиона находится Центральный телеграф.) Жил Василий Андреевич и в московском доме своих родственников Юшковых в районе Пречистенки (дом Юшковых находился в Пречистенской части, в приходе Успенья на Могильцах. После большого Московского пожара 1812 года этот район был полностью перестроен). Жил он и на самой Пречистенке (теперь Кропоткинская) у своего приятеля С. М. Соковнина... Многое связывало поэта с его племянницей Авдотьей Петровной Елагиной (Юшковой, по первому браку Киреевской). Он часто бывал у нее, неизменно посещал ее знаменитый литературный салон. В письмах к Елагиной называл племянницу не

иначе как «милая Дуняша». Сохранилась обширная переписка Елагиной и Жуковского. Сохранился и дом Елагиной близ Красных ворот в Хоромном (когда-то Трехсвятительском) тупике... Но, пожалуй, лучшего места в Москве, чем Петроверигский переулочек, для увековечения памяти В. А. Жуковского не сыщешь. Можно, конечно, памятник ему и на одном из бульваров поставить, неподалеку от Пушкина или Гоголя, ведь известно, какое большое влияние оказал Жуковский на юного Пушкина и сколь много он значил для Гоголя в его зрелые годы. Как-то не хватает в Москве памятника Жуковскому для этого «тройственного созвучия» великих имен. Между прочим, в Ленинграде бюст Василия Андреевича работы скульптора В. Крейтана с 1887 года стоит на видном месте, в Александровском саду перед Адмиралтейством...

И все-таки в Петроверигском переулочке, подле дома, где когда-то жили Тургеневы, самое подходящее, как говорили в XVIII веке, «утишное» место, чтобы поставить бюст Жуковского. Здесь все как бы соответствует духу этого великого русского поэта. Элегическая строгость старинного строения. Мягкий шум деревьев. Они как бы намек на малый парк или городской сад. Только намек. Камень и дерево сочетаются с тактом. Найден верный тон. Сюда можно прийти, помолчать, отдохнуть душой... Широко было отмечено двухсотлетие со дня рождения Василия Андреевича Жуковского, и все-таки приходится повторять, что в Москве нет не только памятника поэту, но и ни одной мемориальной доски, ему посвященной. Мало того, нет улицы поэта Василия Жуковского, а в недавно вышедшей энциклопедии «Москва» не отведено ему ни строки. Как же это могло стать? Московский период в жизни Жуковского значителен. Здесь он не только учился, но и обрел литературную зрелость. Именно в Московском журнале Н. М. Карамзина «Вестник Европы» в 1802 году он напечатал свое «Сельское кладбище», означившее новую эпоху в русской поэзии. А потом и сам с 1808 года в течение двух лет издавал «Вестник Европы», совершив, по мнению исследователей, несомненный переворот в отечественной литературе. Многие, очень многое связано у Жуковского с Москвой. В 1812 году он вступает в московское ополчение и в ожидании тарутинского сражения пишет лирико-героическую поэму «Певец во стане русских воинов», принесшую ему подлинную славу. Поэму, в которой Россия именно тогда узнала, по выражению В. Г. Белинского, «своего великого поэта».

* * *

С тихой благодарностью кладешь цветы в городе на Неве к подножию бюста Василия Андреевича. Рядом здание Адмиралтей-

ства. Отсюда виден Зимний дворец (Эрмитаж). Неподалеку начинается Невский проспект. На противоположном его конце — Александровская лавра, где покоится прах Жуковского. Рядом — Н. М. Карамзин. Рядом — Ф. М. Достоевский. Долго стоишь в созвездии этих имен, преисполненный благодарности к ним. Слушаешь тишину, разлитую в пасмурном свете холодноватого воздуха. Присутствие живого Слова, присутствие великих жизней ощутимо...

В Петербурге продолжились многие московские начинания Жуковского и его близких друзей: «Дружеское литературное общество», возникшее в Москве в 1801 году, в каком-то смысле трансформировалось в петербургский «Арзамас», да и в «литературные субботы», устраиваемые Жуковским у себя на квартире, которую он снимал в 1818—1819 годах вместе со своим приятелем черским помещиком А. А. Плещеевым (композитор-дилетант, написал немало романсов на стихи Жуковского), в доходном доме купца Брагина, у Кашина моста на Крюковом канале.

На субботках у Жуковского бывали лучшие писатели северной столицы — корифеи литературы и те, кто составлял ее надежду. Эти вечера имели принципиальное значение для развития литературной жизни того времени. Здесь читалось и обсуждалось многое из только что написанного хозяином дома и его друзьями, давались уроки подлинного вкуса, предъявлялись высокие требования, столь необходимые для литературной молодежи в начале пути. Быть может, самым частым гостем здесь в тихой Коломне (так раньше назывался этот район Петербурга) у Жуковского бывал А. С. Пушкин. Дом этот на Крюковом канале сохранился по сей день, как и несколько перестроенный дом Голицына на Фонтанке, 20, где была квартира братьев Тургеневых, как и бывший Аничков дворец на Невском проспекте, — там Василий Андреевич жил на казенной квартире с января по октябрь 1820 года... Думается, что эти строения могут быть отмечены мемориальными досками. Стоит поразмыслить и над тем, чтобы, наконец, открыть музей-квартиру поэта, скажем, в доме на Крюковом канале. Организация такого музея привела бы к лучшей координации материалов, связанных с жизнью и творчеством Жуковского, рассредоточенных по разным архивам и институтам. Так, большая часть библиотеки Василия Андреевича находится издавна в Томском университете, поступив туда еще в XIX в. Тогда она насчитывала 4674 книги. Из них выявлено сейчас более 3000. Около 600 томов хранится в Пушкинском доме в Ленинграде. Десять лет кропотливой неустанной работы ушло у старшего библиотекаря научной библиотеки Томского университета В. В. Лобанова на составление ка-

талога книг, принадлежащих В. А. Жуковскому. Причем каталог объединил книги, хранящиеся и в Томске и в Ленинграде. («Раздвоенные» библиотеки произошло в силу того, что сын поэта Павел Васильевич большую часть книжного собрания отца продал видному меценату А. М. Сибирякову, пожертвовавшему эти книги первому в Сибири университету. А шестьсот томов П. В. Жуковский подарил своему другу, известному коллекционеру-пушкинисту А. Ф. Онегину, от которого они перешли в Пушкинский дом.) На основе созданного Лобановым каталога томские ученые подготовили и выпустили фундаментальный труд «Библиотека В. А. Жуковского в Томске», значение которого трудно переоценить. Исследователи убедились, что в отличие от ранее описанных книжных собраний, скажем, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, библиотека В. А. Жуковского содержит множество книг, «буквально испещренных записями». Эти маргиналии сами по себе могли бы составить один или два дополнительных тома в полном собрании сочинений поэта. Они показывают нам новые аспекты мировоззрения Жуковского, дарят много новых подробностей, оттенков, раскрывают некую эволюцию социально-философских и эстетических взглядов поэта. Эта особенность библиотеки Жуковского уникальна. Кроме того, в глубине книжного собрания на полях и между строк многие годы были скрыты планы и наброски сочинений, неизвестные нам переводы.

Все это станет необходимым материалом при подготовке академического собрания сочинений поэта, явиться которому приспела пора. Так же, как и созданию научной биографии Жуковского. Жуковский был отличным рисовальщиком: во время путешествий и прогулок поэт почти всегда делал зарисовки — это как бы продолжение его скупых дневниковых записей. Рисунки, связанные с памятными местами. Рисунки с изображением близких людей. Вот портрет Маши Протасовой, любовь к которой поэт пронес через всю жизнь. Рисунок карандашом сделан в 1820 году в Дерпте (ныне Тарту). Могила ее сохранилась на старом городском кладбище. Многие годы за могилой следит тартуский житель Иоханнес Юрьевич Маадла. На машинной могиле часто лежат живые свежие цветы...

Раньше, до буржуазной республики, в Дерпте (Тарту) была улица В. А. Жуковского. Ее переименовали в улицу Лилле (Цветочная). Во время второй мировой войны дом А. Ф. Воейкова, где часто бывал Жуковский, был разрушен. Но остался на этой улице другой дом, связанный с именем поэта. Надо вернуть улице имя Жуковского. Это станет одним из опорных знаков дружеских культурных связей русских и эстонцев, ибо Жуковский был весьма чтим в старинном университетском городе.

Один из белёвских учителей в письме ко мне отмечал: «Системное изучение курса литературы начинается с 4-го класса. На Пушкина при этом отводится, не считая начальной школы, 51 урок (в 4-м кл. — 4 часа, 5-м кл. — 12, 6-м кл. — 3, 7-м кл. — 10, 8-м кл. — 22), встреча же с Жуковским на протяжении десяти лет обучения состоится однажды — в 8-м классе при введении к изучению литературы первого периода русского освободительного движения. Всего на это отводится 4 часа. При самом доброжелательном отношении к Жуковскому на знакомство с его жизнью и творчеством можно выкроить максимум один урок».

Нередко еще приходится сталкиваться с недопониманием значения и роли Жуковского и некоторых других классиков в эстетическом воспитании подростка. Прimitивно-вульгарное отношение к непреходящим культурным ценностям имеет свою историю. Когда по прямому указанию В. И. Ленина Народный комиссариат просвещения начал выпускать дешевые издания классиков русской литературы и вышло собрание сочинений В. А. Жуковского, в «Правде» появилась статья Л. Сосновского «О книгах и издателях». Шел 1918 год. В статье Сосновского среди прочего говорится: «...Может быть, я человек темный, отсталый. Может быть, возвратившись с базара с книгой Жуковского под мышкой, мужик моментально станет республиканцем и коммунистом — все это виднею Комиссариату Просвещения». Сосновскому и поддержавшему его в «Известиях» сотруднику ВЧК Я. Петерсу (Петерс отмечал: «Кроме Жуковского, издаются в миллионах экземпляров другие классики. Мы должны идти дальше и сказать прямо, что все это в данный момент лишне и даже недопустимо».) 6 февраля 1919 года в газете «Правда» в статье «Неосновательные опасения» ответила Н. К. Крупская. Она убедительно показала, что в самые трудные моменты бытия человек должен оставаться человеком, и потому никогда нельзя забывать об истинном содержании души человеческой, иначе любые целенаправленные действия бессмысленны: разрушается душа. Это была подлинно ленинская установка. «Зачем печатаете Жуковского, — говорят нам, — а не печатаете той хрестоматии, которая была-де представлена в Н. К. Пр. Была, правда, представлена одна хрестоматия, — пишет далее Надежда Константиновна, — но с общественной точки зрения безграмотная. Не все то золото, что блестит. Можно книге дать название пролетарской, социалистической, советской и т. п., но это не изменит ее бессодержательной сути».

Приходится и сейчас порой встречать среди работников культуры плоских утопистов, пытающихся урезать душу человеческую,

встречать всякого рода воспаленных людей, которых постоянно мучают «неосновательные опасения». Тем более сердце радуется тому, кто, не жалея сил и времени своего, служит подлинному просветительству. Среди тех, кто предан творчеству Жуковского и сделал немало для того, чтобы это творчество, равно как и само имя поэта, в полной мере светило ныне живым светом,— старший научный сотрудник Пушкинского дома Р. В. Иезуитова, московские исследователи И. М. Семенко и В. В. Афанасьев, ученые Томского университета Ф. З. Канунова, В. В. Лобанов, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич, тульский историк литературы Н. А. Милонов, орловские краеведы В. А. Власов, И. И. Назаренко...

Несколько московских и тульских писателей и ученых осуществили свою давнюю мечту и провели дважды Жуковские чтения на родине поэта. Мне хочется назвать своих товарищей по этим поездкам: О. Э. Туганову, М. О. Чудакову, С. И. Субботина, Л. В. Смирнова, М. А. Курганцева, С. Л. Щеглова-Норильского, И. А. Мазнина, фотохудожника В. М. Табольского... В результате этих поездок в селе Мишенском возник сельский школьный музей поэта, первый в нынешнее время музей В. А. Жуковского в нашем Отечестве.

* * *

В семи километрах от Белёва — Долбино, куда Василий Андреевич часто ходил пешком. Там на холме когда-то стояла усадьба Киреевских, родственников Жуковского.

Время не пощадило усадьбы в Долбине и Мишенском. Остались холмы. В Великую Отечественную войну сгорел белёвский дом поэта, где располагался его музей. Но сохранились, к счастью, чертежи и многие рисунки, на которых изображены эти строения. Их можно и необходимо воссоздать: если не всю усадьбу Буниных в Мишенском, то хотя бы скромный флигель, в котором родился поэт. И дом в Белёве, построенный им некогда для своей матери.

В Мишенском, на холме, где располагались строения бунинской усадьбы и стоял флигель, в котором родился поэт, в 1983 году установлена четырехметровая стела в виде раскрытой книги с барельефом Жуковского на развороте. Ждут специальных памятных знаков усадьбы Буниных и Киреевских. Расположение некоторых строений можно обозначить поначалу каменным рисунком, как это сделано на месте недостающего строения в Тарханах, или одним камнем с соответствующей надписью, как это сделано на месте дома, где родился Л. Н. Толстой в Ясной Поляне. Как ни странно, но все это будет иметь организующее начало. Немалое значение для родных мест поэта имели и жуковские чтения, которые, естественно, проложили дорогу большому народному празднику поэзии, прошедшему в Мишенском летом 1983 года, собравшему несколько тысяч человек,

пришедших и приехавших сюда из окрестных деревень, из Белёва, Тулы, Москвы, Калуги, Козельска, Богородицка... В дальнейшем думается, народный праздник поэзии должен включить в свой круг и праздник-соревнование ремесел, привести к возрождению белёвских кружков и знаменитой белёвской пастилы, способствовать возвращению ярмарок, озвученных филимоновскими игрушками-свистульками. Все это так необходимо здешним местам, живому разнообразию и полноте жизни, необходимо оттождествлению народной души.

Много сил возникновению мемориала Жуковского на его родине отдавали и отдают местные краеведы-энтузиасты, начиная еще с Ильи Ивановича Петракова, ныне здравствующие Алексей Михайлович Куртенок, Николай Дмитриевич Жилаев (директор Белёвского художественно-краеведческого музея), Юрий Борисович Громов, Виктор Яковлевич Греков, Антонина Никитична Бабайцева, Александр Иванович Александров, Алексей Михайлович Сериков, Светлана Митрофановна Сазонова... Светлана Митрофановна, учительница русского языка и литературы, человек редкого педагогического таланта, сумела вместе со своими учениками создать несколько незабываемых литературно-музыкальных представлений по произведениям Жуковского. Белёвские школьники с огромным успехом читали стихи Василия Андреевича и на юбилейном концерте в зале имени П. И. Чайковского в Москве 9 февраля 1983 года. В знак признательности им в подарок для хранения в школе был передан портрет поэта, висевший в зале во время торжественного заседания.

Местные краеведы, как говорится, дело «на ощупь» знают. Без постоянной связи с ними немислимо подлинное увековечение памяти поэта. Но дело нескоро делается. В белёвском музее есть комната, посвященная В. А. Жуковскому. Правнучка поэта Мария Алексеевна Янушевская, проживающая в Париже, подарила музею несколько подлинных вещей, принадлежавших Василию Андреевичу. В центре Белёва установлен новый бюст Жуковского (старый передан школе его имени). Принято решение воссоздать дом, построенный поэтом в Белёве для своей матери. Но, судя по всему, это нескоро будет сделано. И покамест на этом месте оборудована специальная площадка с памятным знаком. Но вот досада: при этом разобрали сохранившийся фундамент дома поэта. (Зачем? Ведь дом-то будет восстанавливать!) На самой стеле почему-то обозначено, что Жуковский жил в этом доме «в 1807, 1810—1813 гг.». Тогда как по всем достоверным источникам известно, что строительство дома началось в 1803 году, что Василий Андреевич поселился в нем в конце 1805 года; в конце 1807 года он уехал в Москву редактировать «Вестник Европы». В следующем году дом был продан. В 1810 году Жуковский жил в Москве, в 1811 году — в Орловской губернии. В 1812 году началась война и т. д. Таким образом, на памятном знаке

должно быть обозначено, что поэт жил в своем белёвском доме «в 1805—1807 годы». Кто поторопился дать неверные даты, трудно сказать. Но их необходимо исправить. Так, с огрехами и досадными упущениями, дело однако, движется и сулит все-таки принести немалые плоды.

И еще видится: в семи километрах от Белёва — Темрянь, где жил и похоронен замечательный деятель XVIII века, ученый и писатель Василий Алексеевич Лёвшин, примерно на таком же расстоянии в другую сторону — Долбино. Час езды от Белёва на местном поезде до Козельска, а там пешком недалече и до Оптиной Пустыни, с которой связаны имена многих выдающихся деятелей культуры и где похоронены братья Киреевские. Вычерчивается малое кольцо: Белёв — Темрянь — Мишенское — Долбино — Оптина Пустынь — Козельск — Белёв. Изумительный маршрут для тех, кто жаждет путешествовать во глубину русской истории и культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Уроки Василия Жуковского	3
Воля к развитию романтизма	27
Свет бескорыстия	34
Жуковский и Болотов	37
Прогулки и путешествия с Поэтом	38

Владимир Яковлевич ЛАЗАРЕВ
УРОКИ ВАСИЛИЯ ЖУКОВСКОГО

Редактор В. П. Енишерлов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 19.12.83 г. А 00322. Подписано к печати 14.02.84. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. учетно-изд. л. 3,01. Тираж 100 000. Изд. № 635. Зак. № 1910. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВИТЯЗЬ·733

ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР «ВИТЯЗЬ-733»

Высокие эксплуатационные параметры, оригинальное современное оформление — качества, благодаря которым «Витязь-733» по праву считается одним из лучших отечественных телевизоров. Электронное устройство позволяет легко переключать программы: прикосновение к клавише — и на экране другая программа. Новый цветной телевизор имеет автоматические регулировки, к нему можно подключить магнитофон на запись, головные телефоны, видеомагнитофон.

Цена—595 руб.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

